

Швейцарец

Автор:

Роман Злотников

Швейцарец

Роман Валерьевич Злотников

Первый роман нового цикла Романа Злотникова! Новый подход к жанру альтернативной истории. ...Алекс не горевал о развале СССР и никогда не мечтал помочь Сталину разбить Гитлера малой кровью. У него были простые желания: жить в Европе и стать действительным членом международного байкерского клуба «Ангелы Ада». Казалось бы, мечты начали сбываться. Алекс работал в австрийской компании. Да и с байкерами все нормально складывалось. Вот только об одном не подозревал Алекс – что веселая поездка в Швейцарию обернется путешествием во времени и невеселыми последствиями для человечества...

Роман Злотников

Швейцарец

© Злотников Р. В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Маленькое обращение к читателям

Дорогие друзья! Это книга для меня немного необычна. Прежние мои циклы альтернативной истории отличались тем, что их герои еще до попадания успевали стать сильными и сложными людьми. Они еще до начала книги смогли многого добиться в своей жизни, доказали себе и окружающим, что у них достаточно решительности и способностей, чтобы отвоевать «под солнцем» достаточно значимое место. Герой же этой книги совсем не такой. Прямо скажем, он и не герой даже... Обычный парень, из тех, кто, как говорится в известной русской пословице, «ищет, где лучше». Не дурак, не лентяй, но ничего особенного. Большая часть достигнутых успехов (а они у него, конечно, есть, как, естественно, и у любого из нас) скорее результат не его собственных усилий, а сложившихся обстоятельств и давления внешней среды. То есть обычный простой человек. Но – имеющий потенциал постепенно, потихоньку развиваться в человека сложного, человека, способного взять свою жизнь в собственные руки.

Нет, в первой книге этого еще не произойдет, хотя и в ней он уже продвинется в этом направлении довольно далеко, но история точно не закончится одной книгой. Да и, скорее всего, второй тоже. Так что у нас с вами впереди еще много интересного.

И еще – я писал эту книгу, очень надеясь, что кто-то из вас, читателей, сможет увидеть в этом герое себя. И это побудит как-то переосмыслить свою собственную жизнь. Начать тоже выстраивать ее так, чтобы рано или поздно также стать сложным человеком. А такие люди нужны. Нужны стране, нужны миру, нужны Вселенной. Я глубоко убежден, что именно для этого Бог, Природа или там Всемирный разум и создали человека. И именно это имелось в виду, когда писалось, что Бог создал человека по своему образу и подобию. Потому что человек не рождается и не вырастает «по образу и подобию» сам по себе, как трава или деревья. То есть упало «семечко» и через положенный срок – оп! и вот оно – по образу и подобию. Нет. Это не так. Но, и я в этом убежден, шанс стать таким есть. У всех нас. У любого.

Автор

Пролог

– О боже! – Фрау Микловски, первой выпорхнувшая на террасу, заполошно всплеснула полноватыми, но довольно изящно очерченными ручками и сразу после этого картинно прижала ладони ко рту. Впрочем, со стороны все смотрелось вполне естественно. Потому что картина, открывшаяся ее очаровательным глазкам, была из серии настоящих триллеров. Хотя ожидать чего-то иного после тех звуков, которые сдернули всех из-за стола и заставили броситься на улицу, не приходилось.

– Ну конечно! Кто бы это еще мог быть, если не Дитрих фон Белов с приятелями! – Герр Микловски, появившийся рядом с супругой всего лишь с секундным запозданием, нахмурил брови и неодобрительно покачал головой: – Похоже, к Волге ехали. На пляж. Или в клуб, в Саратау, на тот берег... – после чего повернулся к своему, как Алекс успел понять еще час назад, вечному оппоненту и, наставительно воздев палец, произнес: – А я всегда говорил, что фрау фон Белов слишком балует своего отпрыска. И что это точно до добра не доведет. Вот и результат!

– При чем тут младший фон Белов? Я тоже всегда говорил, что за маленькими детьми надо следить, – сурово отрубил герр Штольц. После чего продолжил, уже этак презрительно: – Хотя о чем это я? Эти славяне и тартары за собственной задницей не способны проследить как следует. Все время приходится направлять и контролировать. Вот уж действительно низшая раса...

– Вот опять вы за свое, Клаус, – тут же вскинулся Микловски, с охотой втягиваясь в очередной такт привычного обоим нескончаемого спора. – Будьте же благоразумнее! Ваши дремучие взгляды могут подвигнуть нашего гостя из самого сердца Райха посчитать, что здесь, далеко на востоке нашей великой страны, людям до сих пор неизвестны новые, прогрессивные взгляды профессора кафедры антропологии Нюрнбергского университета герра Шнайдера, которые он изложил в своей работе «Новый взгляд на особенности генофонда туземных народов восточных окраин...».

Но вышеупомянутому «гостю из самого сердца Райха» сейчас было вовсе не до чьих-либо «дремучих взглядов». Потому что в данный момент он изо всех сил пытался справиться с подкатившей к горлу тошнотой, являвшейся результатом

того, что его взгляд намертво прикипел к детскому тельцу, бесформенной кровавой кучкой замершему у подножия мачты уличного освещения, расположенной всего в десятке метров от той террасы, на которую они все выскочили. То, что это лежит именно ребенок, можно было понять по небольшим общим размерам... м-м-м... получившейся кучки, а также по паре худеньких детских ножек, торчащих из-под рваного подола короткого платица, набухшего кровью. По какому-то странному выверту они, в отличие от остального тельца, почти не пострадали при ударе... Ножки были одеты в трогательные белые носочки и лакированные красные сандалики. Вернее, в сандалик была обута только правая ножка, а левая, на вид практически целая, но вывернутая в коленке под неестественным углом, оказалась босой. Слетевший с нее сандалик валялся чуть дальше, сразу за мачтой освещения, на нижней части которой расплывалось огромное кровавое пятно, явственно свидетельствующее о том, что маленькая жертва аварии окончательно и бесповоротно мертва. Ибо даже взрослому человеку после потери подобного объема крови выжить было бы очень проблематично, а уж ребенку...

- Позвольте вам заметить, - между тем продолжал горячиться Микловски, - что в наше время следовать воззрениям времен Великого фюрера могут только абсолютные ретрограды и глупцы. Сейчас как-никак двадцать первый век на дворе. Нет, я не спорю - во время Великой войны Райх был со всех сторон окружен врагами, так что подобное жесткое отношение в те времена было вполне оправданным. Но сейчас, во время гуманности и международной разрядки напряженности, когда гегемония Райха в Евразии и Африке уже десятилетия никем не оспаривается, подобный подход...

- Да чушь городите! - ревел в ответ Штольц. - Как может устареть то, что однозначно и неизменно верно? И не тыкайте мне в лицо этой вашей гуманностью и разрядкой. Гегемония Райха сильна именно потому, что мы никому не позволяем...

Алекс наконец-то с трудом сумел оторвать взгляд от лежащего на асфальте детского тельца, после чего угрюмо покосился на этих «токующих тетеревов». Черт, у них вообще есть хоть какие-то понятия о приличиях? Тут в конце концов только что ребенок погиб, а эти... Но, несмотря на прозвучавшую в начале данного такта их бесконечной дискуссии апелляцию к «гостю», Штольц и Микловски даже не заметили его неодобрительного взгляда, продолжая привычно ругаться друг с другом. Причем, судя по тому, что слышал Алекс, к настоящему моменту этот спор ушел очень далеко в сторону от произошедшей

здесь трагедии, перейдя в, похоже, куда более интересные для обоих оппонентов области расовых теорий и их соответствия последним исследованиям в биологии и генетике... Ему захотелось грубо оборвать их столь неуместный, на его взгляд, в данной ситуации спор. И Алекс уже совсем было собрался с духом, дабы действительно сделать это – как вдруг на улице появилось новое действующее лицо...

– Ы-ы-ы-ммм... – Вылетевшая из-за угла высокая, черноволосая и статная, но при этом крайне растрепанная женщина, одетая в длинное платье, украшенное кружевным воротничком, гармонирующим с накрахмаленным кружевным передником, и в столь же накрахмаленной кружевной наколке на волосах, сейчас съехавшей на левое ухо, на мгновение замерла, уставившись неверящим взглядом на детское тельце, а затем издала придушенный стон и со всех ног бросилась к мертвой девочке... Подбежав вплотную, женщина упала на колени и обеими руками буквально сгрэбла с асфальта то, что осталось от ребенка, прижимая весь этот окровавленный ужас к груди и никак не реагируя на то, что из-за ее судорожного движения от трупа отвалились какие-то куски и упали обратно на асфальт. Алекса еще сильнее замутило, и он торопливо отвел взгляд, опасаясь, что не выдержит и сблюет...

Вокруг было удивительно малоллюдно. Нет, люди имелись – на тротуарах, террасах соседних домов, а кое-кто маячил в открытых по случаю жары окнах. Но общая реакция разительно отличалась от той, которую, по идее, можно было бы ожидать. Никто из наблюдавших и не подумал подойти поближе к месту происшествия, чтобы, например, предложить помощь, «наехать» на виновников, которые торчали метрах в двадцати дальше, рядом с Porsche с разбитым и заляпанным кровью бампером, или хотя бы просто, блин, заснять все получше на смартфон, чтобы сразу же запостить... Нет! Все просто смотрели на происходящее, оставаясь на местах и негромко переговариваясь друг с другом. Как будто они находились в театре, а то, что происходило, было неким спектаклем, причем неинтересным и скучным... А кое-кто уже вообще развернулся и равнодушно двинулся прочь. Подобная реакция внезапно заставила Алекса вновь и очень остро почувствовать нереальность происходящего и собственную чуждость по отношению к этому миру и этому времени. И вздрогнуть от этого осознания... О господи! Как же... ВСЕ! НЕ! ТАК!

Между тем женщина в одежде горничной стиснула окровавленное детское тело в объятиях, не обратив никакого внимания на то, что из-за этого она сама полностью изгваздалась в крови, и, прижав его к груди, тонко даже не

заплакала, а завывала, принявшись раскачиваться вперед-назад. И вот это уже вызвало некоторую реакцию. Спорщики за спиной осеклись и замолчали. А трое молодых людей, стоявших у разбитого Porsche, вообще слегка подались назад и как-то... поежились, что ли...

– Хм, а бампер-то они себе разнесли знатно... – задумчиво произнес герр Штольц спустя несколько секунд тяжелого молчания. – Ремонт не меньше чем на двести марок потянет.

– Какое двести, – тут же привычно не согласился Микловски. – Все триста пятьдесят!

Алекс судорожно сглотнул подступивший к горлу ком и, резко развернувшись, гневно искривил губы, собираясь разразиться гневным возгласом. Но его опередила фрау Микловски.

– О чем вы говорите?! Ведь ребенок погиб! Как вы можете...

– Хм, да, дорогая, прости. Конечно, это очень, очень печально, – несколько смущенно закивал ее муж, – но должен тебе заметить, что... – Однако что именно собирался заметить Микловски, окружающим узнать так и не удалось. Потому что в этот момент на «сцене» появилось еще несколько действующих лиц.

Во-первых, наконец-то подъехала полиция. Без сирены, но с мигалками. Старенький серый Opel с зеленой полосой вдоль корпуса и надписью Polizei припарковался метрах в десяти от Porsche, и из него неторопливо выбралась парочка полицейских в черных мундирах. И во-вторых, почти сразу же после полиции к месту происшествия подкатил открытый кабриолет Mercedes задорно-вишневого цвета, управляемый ухоженной дамой средних лет, одетой строго, но весьма дорого.

– Вот и фрау фон Белов прикатила, – удовлетворенно произнес Микловски. – Ну сейчас младшенькому достанется на орехи.

– Не понимаю, как можно радоваться тому, что юношу с арийской кровью унижат в присутствии унтерменшей, – тут же отозвался Штольц.

– А я считаю, что справедливое воздаяние виновному не только не может никого унижить, но и, наоборот, весьма способствует росту авторитета перед... – охотно включился Микловски в новую тему.

Женщина же, покинув кабриолет, величественно прошествовала (иначе не скажешь) к полицейским, которые уже достали свое оборудование и принялись за дело, и что-то негромко у них спросила. Более пожилой полицейский на мгновение оторвался от своего занятия и, разогнувшись, окинул оценивающим взглядом общую картину, после чего столь же тихо ответил. Женщина недовольно поджала губы, а затем развернулась и уже весьма решительным шагом двинулась к троице, переминающейся с ноги на ногу рядом с Porsche. Подойдя вплотную, она снова что-то негромко спросила у одного из юношей, ожидавшего ее прибытия с крайне унылым видом. Тот что-то нехотя пробурчал в ответ, после чего... дама резко и почти без размаха вlepила юному собеседнику мощную оплеуху. Весьма мощную... У парня аж голова дернулась. Да уж, судя по удару, ручка у ухоженной дамы оказалась весьма увесистая и, похоже, весьма тренированная. На прислуге наловчилась или на нерадивых работниках? Впрочем, у такой фрау работники вряд ли могли себе позволить долго оставаться нерадивыми...

– Эк как она, – удовлетворенно прокомментировал Микловски, отвлекаясь от спора, – уважаю.

– А я не вижу в этом поступке ничего заслуживающего уважения, – тут же заявил Штольц. – И вообще, я считаю, что столь открытое и публичное...

Алекс зло насупился и покосился на эту парочку. Да что ж они все никак не угомонятся-то! Между тем ухоженная дама снова развернулась и решительно подошла к женщине в платье с передником, все это время продолжавшей, подвывая, раскачиваться, обнимая детский трупик, и что-то тихо спросила уже у нее. Однако та никак не отреагировала на вопрос, продолжая все так же раскачиваться, уставив застывший взгляд куда-то в небытие. Дама с минуту подождала, потом, видимо, повторила вопрос, а затем, так и не дождавшись ответа, расстегнула висящий на ее руке небольшой, но стильный клатч и достала кошелек. Выудив из него несколько, судя по расцветке, довольно крупных купюр, она протянула их женщине, которая, похоже, являлась матерью или близкой родственницей погибшего ребенка, а когда та вновь никак не отреагировала, властным жестом просто засунула их женщине прямо за кружевной воротник. Алекс невольно вздрогнул, потому что ее жест очень

сильно напомнил ему жест Гюнтера Ауэрбах, гражданина первого класса в стриптиз-клубе «Веселая полячка». Именно таким, хозяйски-властным жестом он запихивал приблизительно такую же сумму за подвязку стриптизерши, исполнившей перед ним то, что в подобных заведениях деликатно именовали словосочетанием «публичный приватный танец»... Алекс сглотнул. Ну что за дурацкие ассоциации лезут в голову?! Здесь же случилась трагедия, а у него в голове воспоминания о стриптиз-клубе всплывают... Мадам же не стала дожидаться какой-либо реакции на свой поступок, а спокойно развернулась и двинулась к покоцанному Porsche. Подойдя к машине, фрау фон Белов распахнула водительскую дверь, наклонилась внутрь салона и все тем же, видимо, естественным для нее решительным движением выдернула ключи из замка зажигания, тут же спрятав их в клатч. После чего повернулась к юноше, на щеке которого уже начал наливаться красным отпечаток ее тяжелой ручки, и зло и громко объявила:

– Две недели без машины!

Парень, все это время переминающийся у своего авто, уныло свесив голову, в ответ на эти... м-м-м... жестокие слова возмущенно вскинулся и плаксиво закричал:

– Ну ма-ам! Ну мы ж с ребятами в субботу в Вольскбург собрались... – но фрау фон Белов развернулась и, проигнорировав его вопли, прошествовала в сторону своего кабриолета. Молча сев за руль, она завела двигатель, и спустя десяток секунд блестящий лаком Mercedes исчез за ближайшим поворотом. Юный Дитрих еще несколько мгновений обиженно пялился на угол улицы, за которым исчез кабриолет с его матерью, а потом зло сплюнул и возопил:

– Черт! Ну почему она всегда так?! Все планы коту под хвост... – после чего повернулся и угрюмо побрел в сторону уже убравших приборы полицейских, старший из которых все еще что-то набирал на планшете, бросая взгляды то на побитый Porsche, то на все еще раскачивающуюся женщину.

Разговор между юным фон Белов и полицейским надолго не затянулся. Юноша молча покивал, угрюмо слушая что-то добродушно объясняющего ему полицейского, после чего уныло выудил из кармана документы на машину и отдал старшему наряда, а затем все с тем же угрюмым видом взял ручку, предложенную полицейским, и размашисто расписался на подсунутом им протоколе. После чего развернулся и, сокрушенно махнув рукой приятелям, с

крайне недовольным видом двинулся в сторону kneipe [1 - Кабак, пивная (нем.)], чья вывеска призывно горела через три дома. Приятели тут же оживились и шустро выдвинулись в том же направлении, по ходу присоединившись к своему жожаку. Алекс проводил их удивленным взглядом и развернулся к парочке, все это время продолжавшей о чем-то увлеченно спорить.

– Э-э... г-господа, я что-то не понял, а-а-а почему полицейские никого не задержали? – и он кивнул подбородком в сторону уже почти добравшейся до kneipe компании. Оба вечных оппонента тут же замолчали и недоуменно уставились на него. Похоже, они искренне не поняли суть вопроса... Но через пару мгновений лицо герра Микловски полыхнуло озарением, и он облегченно рассмеялся.

– А-а-а-а, ну да, у вас же там, в самом сердце Райха, вы, вероятно, с этим никогда не сталкивались... – он наморщил лоб и деликатно начал: – Понимаете, герр Майер, эта погибшая девочка, судя по всему, из туземцев. А это значит, что ее семья обладает статусом максимум «кандидатов в граждане». А скорее всего, они и вовсе всего лишь «местнопроживающие». Точно я вам сказать не могу – надо будет позже уточнить у полицейских, если вам интересно... Ну а на лиц данных категорий... м-м-м... как бы это поточнее... скажем так – юридическая защита законов Райха распространяется далеко не в полном объеме. И уж точно в куда меньшей степени, чем на полноправных граждан. Понимаете?

Алекс несколько мгновений недоуменно смотрел на Микловски и Штольца, потом перевел взгляд на женщину, все так же прижимающую к груди детский трупик, а затем тихо спросил:

– Так их что, вообще никак не накажут?

– Ну что вы! – возмущенно вскинулся Микловски. – Как можно?! У нас же правовое государство. Наказание непременно последует. Но-о... понимаете... как бы вам это объяснить... Вот, скажем, если у вас дома, в сердце Райха, – вновь повторил он так полюбившееся словосочетание, – один человек задавит соседа, полного гражданина, а второй... м-м-м... скажем, курицу или кошку – они что, понесут одинаковое наказание? Вот и здесь – наказание непременно будет и, можете мне поверить, вполне суровое. *Dura lex, sed lex* – как говорится. Не говоря уж о том, что и сама фрау фон Белов дама весьма строгих моральных правил и точно не спустит сыну... да вы и сами видели! Но это наказание будет произведено в полном соответствии с законами Райха. А они здесь, на Востоке,

как вы понимаете, м-м-м, несколько отличаются от тех, к которым вы привыкли у себя.

Алекс несколько мгновений ошарашенно пялился на Микловски, потом перевел свой изумленно-неверящий взгляд на Штольца, после чего нервно хмыкнул.

– Курица? Кошка?! Да уж... – Он стиснул зубы и покачал головой. Че-е-еерт! А ведь он все это слышал раньше. Точно! «Люди с прекрасными лицами» и «быдло, голосующее за...» или «креативный класс» и «генетический мусор»... Да что там слышал... Он и сам тоже... Алекс шумно выдохнул и решительно произнес: – Да, надо быстрее возвращаться домой...

– Как домой? – Штолец, все это время смотревший на него слегка снисходительным взглядом, ну, типа, как водитель трактора смотрит на модно упакованного, но в данный момент растерянного и испуганного водителя застрявшего в непролазной грязи тверских ебеней модного кроссовера, всплеснул руками. – Герр Майер, а как же охота? Мы же с вами договорились поохотиться в волжских плавнях. Вы нигде не найдете лучшей «перьевой» охоты, чем в наших местах. Уж можете мне поверить. Там, у вас, все охотничьи места уже давно сильно изгажены цивилизацией, и только на таких, как у нас, окраинах Райха еще можно встретить...

Но Алекс лишь криво усмехнулся и мотнул головой.

– Нет, герр Штолец, я понял, что мне срочно нужно домой. Я... я кое-где очень сильно накосячил, и теперь нужно срочно все исправить, – после чего решительно развернулся и двинулся внутрь дома. Собираться.

Глава 1

– Да, мама... конечно, мама... – Молодой человек, одетый в модные драные джинсы и культовую «косуху» фирмы First, неуклюже топтался у заднего кофра своего мотоцикла, пытаясь левой рукой отщелкнуть стильную бронзовую застежку. Это было не очень-то легким делом, поскольку под мышкой этой самой руки был зажат весьма brutальный мотоциклетный шлем, стилизованный

под немецкую каску времен Второй мировой, и еще на руке болтались винтажно выглядящие мотоочки-консервы, весьма стильно сочетающиеся как раз с таким шлемом. Ну а правая рука была занята телефоном, по которому он как раз и разговаривал.

– Мам, я не мог ответить, потому что ехал! Вот как припарковался, так сразу тебя и набрал. – Застежка наконец-то поддалась, и обрадованный парень попытался все так же одной рукой перехватить шлем, дабы поместить его в кофр. Но в самый ответственный момент тот выскользнул из рук и шмякнулся на плитку, которой была замощена мотопарковка.

– Schei?e! [2 - «Дерьмо», привычное немецкое ругательство (нем.).] – нервно выругался парень и тут же поспешно забормотал в трубку: – Нет, мама, это я не тебе... Конечно, мама... Я понимаю, мама... Я стараюсь сдерживаться, мама... – одновременно с этим наклоняясь и протягивая руку к шлему. Но дотянуться до него без новых проблем ему, как быстро выяснилось, было так и не суждено. Потому что, когда от пальцев вытянутой руки до шлема осталось еще сантиметров пять-семь, вниз по руке соскользнули те самые винтажные очки, которые звонко грохнулись на плитку рядом со шлемом.

– Schei?e! – уже в голос выругался парень. – Да нет же, мам, – я же сказал, что это не тебе. Просто у меня тут... Ма-ам... Ма-ам, ты меня слышишь?.. Ма-а-ам... ну хватит уже! Мне уже двадцать три года! Да, в конце-то концов!.. – с этими словами парень раздраженно оторвал от уха iPhone последней модели и несколько мгновений сверлил его раздраженным взглядом. Если бы кто-то наблюдал все происходящее со стороны, ему могло показаться, что молодой байкер сейчас в раздражении саданет телефоном о стену или шмякнет им о плиточное покрытие парковки, но он все-таки сумел удержаться от столь... кхм... неразумного поступка и просто аккуратно положил iPhone на седло. После чего быстро поднял шлем и очки и двумя руками уложил-таки их в стильный кожаный кофр, украшавший задний багажник «Харлея». И все это время из лежащего на седле продукта фирмы Apple продолжало нестись:

– ...а ума у тебя до сих пор – как у пятнадцатилетнего! Вот если бы ты не потратился на этот свой дурацкий мотоцикл, то вполне уже успел бы накопить на первый взнос на квартиру. И твоя мамочка давно бы уже была рядом с тобой.

Парень скривился и сделал классический, даже несколько картинный facepalm, после чего схватил телефон и торопливо заговорил:

– Так, мам, все, я больше не могу говорить. Я должен бежать на совещание к Chef des Labors [3 - Начальник лаборатории (нем.)]. Я тебя люблю, пока...

– Вот почему, стоит мне только упомянуть о моем приезде, как ты сразу же бросаешь трубку, мой маленький негодник? – раздалось в ответ из динамика. – Ладно, беги, Саша. Я тоже тебя люблю...

Когда Алекс (он предпочитал, чтобы его называли именно так – имя Александр или Саша казалось ему слишком русским и, ну-у-у... типа, провинциальным) наконец добрался до места своей работы, начальника еще, слава богу, на месте не было. Но тем не менее герр Адлер, за которым в лаборатории закрепилась кличка «Duenna» [4 - Дуэнья, компаньонка, т. е. мадам, следящая за нравственностью и приличным поведением подопечных (нем.)], смерил его недовольным взглядом и демонстративно перевел его на большие электронные часы, висящие над забранной стеклом выгородкой, в которой и располагался, так сказать, кабинет начальника лаборатории герра Мозеса. Можно было не сомневаться, что сразу же по появлении начальника лаборатории на рабочем месте ему непременно будет доложено об очередном опоздании «этого русского». Нет, официально рабочий день в лаборатории начинался в восемь утра, но Алекса сразу же при поступлении на работу предупредили, что «у нас принято приходить к семи сорока пяти». Ну чтобы до начала рабочего времени успеть раздеться, надеть халат, помыть руки и ровно в восемь ноль-ноль приступить к своим официальным обязанностям. Причем, насколько Алекс смог узнать, такое особенное предупреждение сделали именно ему. Поскольку подразумевалось, что настоящие *diedeutschen* [5 - Истинный немец (нем. жарг.)] и так все прекрасно понимают и им никаких предупреждений по этому поводу не требуется. Впрочем, если честно, так оно и было на самом деле...

– Guten morgen [6 - Доброе утро (нем.)], бро! – Алекс, как раз в этот момент торопливо натягивающий на себя лабораторный халат веселенькой салатоголубой расцветки, на мгновение замер в позе «распятого орла», вымученно улыбнулся и, рывком натянув-таки лабораторную униформу, помахал в ответ своему единственному в местных пенатах другу. Ну как другу... скорее близкому приятелю, с которым ему удалось сойтись на почве любви к мотоциклам. Дитрих состоял в австрийском чепте Hell's Angels MC [7 - Легендарный международный мотоклуб «Ангелы ада». Имеет филиалы (чепты) в почти сорока странах мира.], куда сам Алекс просто мечтал вступить. Но получить полноправное членство в этом, вне всякого сомнения, самом крутом и престижном международном объединении байкеров можно было только по рекомендации. И Алекс уже давно

обхаживал Дитриха на этот счет. Впрочем, не одного его. Поскольку одной рекомендации для вступления было мало... Хотя, надо сказать, чего-то сверхъестественного ему пока делать не приходилось. Так – бегать парням за пивом, мыть их мотоциклы, угощать выпивкой. То есть ни с чем из тех страшилок, которые ходили в среде начинающих байкеров о «посвящении»... ну знаете... типа «двадцать пьяных мужиков запускают по кругу» или там «деревянный сорокасантиметровый с двумя рогами», он на данный момент так и не столкнулся. Но Алекс, вполне возможно, согласился бы и на это... Поскольку, несмотря на то что он (в том числе и по своему собственному мнению) вырвал у жизни самый что ни на есть счастливый билет – сумел-таки перебраться в казавшуюся из дома такой теплой, уютной и счастливой Европу, чувствовал он здесь себя пока не очень-то и уютно. Нет, внешне все было красиво – дома, обустроенность, чистые дороги, чистые подъезды, но-о-о... никого рядом. Хотя уже прошло почти полтора года с момента переезда. Вот в общаге «Губки» на Бутлерова они с мужиками плотно закорешились уже к концу первого семестра. И это еще при его довольно-таки замкнутом характере. Некоторым так вообще хватило одной недели...

Так что Дитрих, с которым можно было неформально пообщаться на близкие и интересные темы, был для Алекса очень ценен сам по себе, даже безотносительно будущей рекомендации. Тем более что в иерархии лаборатории Дитрих занимал должность на одну ступеньку выше, чем Алекс, но ничуть этим не кичился. Во всяком случае, внешне это никак не проявлялось... Так что да – по местным меркам Дитриха, пожалуй, вполне можно считать другом.

– Guten morgen, Дитрих. Как погонял в воскресенье?

– Тот расплылся в довольной улыбке.

– Отлично! Мы сгоняли до Попрада. Жалко, что ты с нами не поехал.

– Вы же собирались в Дебрецен? – удивился Алекс, плюхаясь на стул и подвигая к себе микроскоп и кляссер с пробями. Парень пока состоял при клубе в статусе даже не «перспективного», а «шустрилы», в то время как Дитрих был полноправным членом. Но даже этот статус вполне позволял Алексу кататься вместе с парнями из клуба. Что он и делал время от времени. Хотя не так часто, как хотелось бы. Увы, кредиты, в которых парень увяз, почти сразу по переезде решив «не ждать старости, а жить сразу как мечтается», очень быстро потребовали неременной регулярной подработки. Вследствие чего ему почти

не оставалось времени на то, чтобы вести ту самую жизнь. Вот такой получился парадокс...

– Так Толстый Вилли заболел, – пояснил Дитрих. – Так что решили довериться Пивовару Байеру.

– Поня-я-ятно... – протянул парень. Толстый Вилли был «дорожным капитаном» маршрутов по Венгрии, Сербии и дальше на юг. Так что его отсутствие по болезни делало путешествия в данных направлениях несколько... менее предсказуемыми. Что для байкеров – вроде как наплевать и растереть. Главное же свобода – мчаться по трассе, и ветер в лицо! Но это только если не помнить, что речь идет о немецких байкерах. Вернее, австрийских, но в данном случае разницы никакой... Пивовар же отвечал за направления, ведущие на восток от Вены.

– Герр Штрауб, вынужден вам напомнить, что уже одна минута девятого, – проскрипел из своего угла герр Адлер. Алекс скорчил Дитриху грустную рожу и торопливо подвинул к себе микроскоп, правой рукой выуживая из кляссера первую пробу...

Саша с молодых ногтей рос в полном осознании того, что его судьба – жить в Европе. Потому что так ему всегда говорила любимая мамочка.

Он родился уже несколько позже того момента, когда великая, сотнями поколений собираемая и оберегаемая страна распалась на куски ровно по начертанным исполнителями «великой ленинской национальной политики» границам. И его детство пришлось как раз на те самые «благословенные девяностые», которые подавляющее большинство населения одной шестой части суши не способно было вспоминать без мата. Впрочем, сами девяностые он помнил весьма смутно. Ну сколько ему тогда было-то – года три-четыре? В таком возрасте мир для человека сильно ограничен и, как правило, способен вместить в себя лишь дом, детский сад и двор с пацанами. Ну и место проживания бабушек с дедушками. У кого они есть, конечно... А со всего остального большого мира до этого «детского мирка» добираются только лишь некие отголоски. Например, в виде видеосалонов, в которых можно посмотреть «настоящие американские» мультики, или невозможности купить какую-нибудь понравившуюся игрушку и лишний раз полакомиться мороженым. Ну не было у матери-одиночки в провинциальном Энгельсе особых возможностей побаловать сыночка чем-нибудь таким. Зато была мечта, доставшаяся ей от исчезнувшего с

горизонта через полгода после свадьбы мужа, подарившего женщине кроме ребенка еще и «настоящую европейскую» фамилию. Муженек был из тех самых немцев Поволжья, при Сталине высланных в Казахстан, которые во времена Перестройки коротким проездом «по реабилитации» заехали на «землю дедов», чтобы, почти не задержавшись, проследовать далее уже на «землю предков».

Вернее, если уж быть до конца откровенными, эта мечта у выросшей в провинции девчонки зародилась и окрепла еще до замужества. Ну да, а кто из таких вот провинциалочек в юном возрасте не мечтал, как это поется в песне, «жить на Манхэттене», да еще и чтобы «с Деми Мур делиться секретами»? Но для большинства ее сверстниц подобные мечты, как правило, остаются всего лишь мечтами. Вернее, пустыми мечтаниями. Ну, типа, о «принце на белом коне», который прискачет, влюбится и тут же решит все какие ни на есть проблемы с переездом на Манхэттен. Сами же они для сего, как правило, ничего не предпринимают и предпринимать не собираются. Ни выучить язык, ни просто выучиться, чтобы прорваться в какой-нибудь сильный вуз, где можно получить не всего лишь «корочки», а реальные знания, которые точно помогут продвинуться в профессии и заработать на воплощение мечты. Ну или, на худой конец, «захомутать» там кого-то из тех, кто реально может сделать все то, о чем мечтается. Потому что именно в сильных и престижных вузах, в которые очень сложно поступить таким вот не имеющим ни связей, ни денег, ни московской прописки провинциалочкам, популяция таковых максимальна... Так что, когда со временем становится ясно, что принц где-то надолго задержался или вообще свернул куда-то в сторону, они успокаиваются и начинают чувствовать себя вполне комфортно в должности продавщицы в продовольственной лавке, кондуктора автобуса или, при самой уж большой удаче, менеджера по работе с клиентами в периферийном отделении мелкого или даже не очень банка... Впрочем, некоторые, к каковым относилась и мама нашего главного героя, идут дальше – открывая охоту если уж не за принцами, то за их конями. Потому что это ж понятно – куда принц, туда и конь. Так что если принца занесет-таки на Манхэттен, то и ей может отыскаться местечко в теплом стойле где-нибудь рядышком. А там – кто знает, может и Деми Мур откуда-то подтянется...

И ровно за год до рождения любимого отпрыска ей показалось, что она вытянула-таки свою козырную карту. Приобрела если не коня, то как минимум вьючного осла, который и сможет доволочь на своем хребте мечтающую «о Европе» провинциалку в сияющий мир ее грез. Тем более что и сам он был нацелен на подобное развитие событий. Но... что-то пошло не так. Возможно, сказался несколько стервозный характер новоиспеченной жены, сразу же после свадьбы не только деловито устроившейся на шее молодого мужа, но и

начавшей активно подминать под себя еще и новоиспеченных родственников. Что, естественно, очень не понравилось свекрови. Причем настолько, что она вдрызг разругалась с невесткой. И начала планомерно капать на мозги «совершившему большую ошибку» сыночку. А это в конце концов и привело к тому, что семья Штрауб отбыла на «землю предков» в несколько сокращенном составе. Впрочем, может быть, это все не имеющие никакого отношения к реальности грязные инсинуации, а дело и взаправду было в том, что, как она всегда и говорила, все новоиспеченные родственники оказались полными негодяями...

Как бы там ни было, Саша рос с полным осознанием того, что его жизненной миссией является вырасти, получить «хорошую профессию» и свалить за границу, где по быстренькому обустроиться и исполнить-таки наконец мамочкину мечту о «нормальной жизни в нормальной стране». Причем главным во всей этой цепочке считалось именно обеспечить выезд за границу. После чего все должно было разрешиться само собой к их с мамой вящему удовольствию. Потому что там же «цивилизованная Европа», где деньги на людей сыплются сами и никаких «герров Адлеров» просто технически не предусмотрено...

– Ну что, бро, двинули пожрем?

Алекс оторвал взгляд от окуляра микроскопа и с хрустом потянулся. Ого! Уже время обеда. Вот он заработался... Сначала-то он специально постарался настроиться на скрупулезно-рабочий лад, чтобы его деловитый вид сработал диссонансом доносу этого педанта Адлера, который, совершенно точно, должен был «надуть в уши» герру Мозесу сразу по его появлению. А потом как-то так и втянулся.

– Ну, давай. Куда двинем – в kaffeestube [8 - Кафетерий (нем.)] или на второй этаж?

На втором этаже располагалась большая столовая, в которую приходили обедать не только служащие из лабораторно-административного корпуса, но и народ с ближайших промплощадок всего комплекса Petrochemie Danubia, расположенного в Швехате и принадлежащего крупнейшей в Центральной Европе Австрийской нефтяной компании OMV. А еще там можно было пообедать за талоны, которые выдавались в административном отделе всего за десять евро. В то время как сам обед тянул по меньшей мере на пятнадцать.

– Пошли в kaffeestube, – предложил Дитрих. И пояснил: – У меня талоны кончились, так что без разницы, куда идти, но в kaffeestube сейчас народу меньше.

– Как скажешь, – пожал плечами Алекс, поднимаясь из-за стола и стягивая с плеч халат. – Двинули!

В kaffeestube действительно было не слишком многолюдно. Ну да, немцы – народ бережливый. И если есть возможность всего за десять евро получить обед, который в kaffeestube обойдется минимум в пятнашку, то будет полной глупостью ей не воспользоваться.

Они уже насытились и неторопливо смаковали десерт, когда у Дитриха зазвонил телефон. Выудив его из кармана, он слегка скривился, но мазанул пальцем по экрану и приложил его к уху.

– Слушаю, mutter ...[9 - Мама (нем.)] – Он некоторое время вслушивался в то, что ему говорили, а затем резко бросил: – Не собираюсь... Нет... А у меня другие планы...

Алекс слегка насторожился. Похоже, не только у него проблемы с мамочкой... Нет, он действительно любил маму. Но... уже давно предпочитал делать это издалека. Потому что мамочка была из тех, кто всегда лучше знает, что, кому и как делать. Еще будучи подростком, Алекс в какой-то момент неожиданно для себя открыл, что все, кто окружал маму на работе, а также подруги, друзья и знакомые, отчего-то сплошь и рядом придурки, дебилы и уроды. Ну так выходило, по словам мамы. Нет, в лицо она ничего подобного им не говорила. Наоборот, при встрече она всегда радовалась, осыпала всех массой комплиментов, могла всплакнуть по поводу того, какие они нехорошие, потому как совсем ее забыли и долго не приходили... зато стоило приятелям и сослуживцам сделать шаг за порог, как мамочка начинала зло бурчать по поводу того, что приперлись, натоптали, все сожрали. Начальники и начальницы у нее всегда были либо уродами и дебилами, либо клушами или курицами. Друзья и подруги – либо тупыми размазнями, либо сволочами и стервами. Водораздел проходил по линии «повезло/не повезло». То есть если подруга была такой же, как и мама, матерью-одиночкой и работала кем-то вроде воспитательницы детского сада, медсестры или учительницы младших классов, то это означало, что она тупая размазня, а если у нее был муж и она хотя бы раз в пару-тройку лет могла позволить себе поехать в отпуск «за границу» (причем чаще всего это

были вполне бюджетные Турция, Хорватия или Таиланд), то, значит, она относилась к категории «стерв, окрутивших тупого идиота». В том, что она живет «на нищенскую зарплату» и до сих пор не может «свалить с этой гребаной страны», виноваты были все вокруг – приятели и приятельницы, начальники, коррупционеры, полиция, олигархи, мэр, губернатор и, уж конечно, президент, но только не она.

– Да понял я, понял... Буду... – уныло произнес Дитрих и, оторвав телефон от уха, зло мазнул пальцем по экрану, дав отбой. После чего еще несколько мгновений сидел, молча уставив злой взгляд куда-то в сторону левого плеча Алекса. Сам Алекс также молчал, сочувственно смотря на приятеля. Как он его понимал... Когда его собственной мамочке что-то втемяшивалось в голову, она добивалась своего всеми возможными и невозможными способами – от жесткого «а я тебе сказала» до истерик с криками, питьем воды и таблеток, хватанием за сердце и лежанием в полумертвом состоянии с мокрым полотенцем на лбу. Если честно, основной причиной того, что он два последних класса с таким остервенением накинудся на учебу, были не столько настойчивые увещевания матери, а именно то, что окончить школу с высокими баллами ЕГЭ виделось ему единственным шансом на то, чтобы уехать куда подальше и вырваться-таки из-под столь жесткой маминой опеки, не позволявшей ему буквально вздохнуть. Так что когда он увидел свою фамилию в списках студентов, зачисленных на первый курс факультета химической технологии и экологии Российского государственного университета нефти и газа имени Губкина, то наряду с радостью испытал и огромное облегчение. Удалось!

– Слушай, бро, а что ты делаешь во вторник? – внезапно поинтересовался Дитрих, вынырнув из своих тяжелых размышлений. Алекс едва заметно поморщился. Его приятель время от времени начинал слегка чудить. В принципе, безобидно, но иногда это напрягало. Так, в настоящее время Дитрих, например, тащился от, как он это называл, «эстетики ямайской гангсты», вследствие чего у него изменились как внешний вид, так и манера общения. Он наделал на голове дредов и вот уже две недели донимал окружающих этим странноватым обращением «бро».

– Ну-у-у... пока ничего не планировал, а что?

– А знаешь что... – Дитрих на мгновение замер, будто еще раз обдумывая пришедшую в голову идею, а затем решительно тряхнул своей густой шевелюрой и, хищно улыбнувшись, торжество возгласил: – Я приглашаю тебя на

день рождения.

– Э-э-э... – Алекс почувствовал, как у него слегка перехватило дыхание. Он жил в Австрии уже год с лишним, но пока ему так и не удалось здесь окончательно освоиться. Вжиться. Стать своим. Нет, никаких особенных проблем у него не было. Вроде как... Наоборот – у Алекса прекрасная и весьма престижная работа. Весьма хорошая кредитная история. Счет в банке (правда, пока использовавшийся в основном именно для обслуживания кредита). Фрау Фишбахер, у которой он снимал комнату, уже пару месяцев как перестала каждый первый вторник месяца самолично являться к нему, дабы проконтролировать состояние своей сдаваемой внаем недвижимости (потому что «кто его знает, этого русского...», так что посмотреть, не загадил ли этот дикий варвар с окраины цивилизации комнату и не испортил ли обстановку, знаете ли, совсем не помешает). А еще он не так давно наконец исполнил-таки давнюю детскую и юношескую мечту – купил мотоцикл. Да не какой-нибудь, а настоящую легенду – Harley-Davidson. Пусть и подержанный, и в кредит – но это же «Харлей»! Они же не стареют... Однако при этом Алекс все равно продолжал чувствовать себя здесь слегка чужим. Ну или не слегка... Несмотря на все усилия (да-да, усилия он прилагал, и еще какие... да что там говорить – он даже имя переделал под «более европейское»), у него до сих пор не было ни близких друзей, ни даже близких знакомых из числа местных. Ну кроме Дитриха. Но и он, по большому счету, мог считаться другом только на фоне всех остальных. Потому что, несмотря на общий интерес к мотоциклам и несколько небольших совместных мототуров с другими байкерами, а также регулярные общие перекусы в обед в кафе и столовой комплекса, их пока больше ничего не связывало. Да они даже в городе еще ни разу не пересекались! «Пока-пока, до понедельника» – и фьют... Так что, как он ни старался, у него пока не получалось сойтись хоть с кем-нибудь достаточно близко.

Нет, его никто ниоткуда не гнал. С ним общались вполне дружелюбно. Ему улыбались. Пару раз в случайных компаниях удалось снять на вечер девчонок. Но именно на вечер. Потому что «быстрый секс – еще не повод для знакомства»... Так что уже следующим утром обе исчезли с горизонта, дежурно мазанув по щеке губами и поощрительно прошептав: «Ты был великолепен...» Да уж, был... и чего тогда не вернулись? Он старался... Ради того, чтобы вжиться и стать наконец здесь своим, Алекс даже, взяв пару дней отпуска, отправился на EuroPride [10 - Крупнейший европейский гейпарад. Проводится ежегодно в разных странах и городах.]. Сначала ему там понравилось. Честно. Было ярко, шумно, громко, весело. Вокруг масса улыбок. Алекс тогда полночи шлялся по узким средневековым улицам, наполненным шумным и радостным народом,

пьяный от какого-то космического ощущения свободы и любви ко всему миру... а потом в какой-то подворотне его перехватил небритый седой дед (ну натурально дед!), одетый в кожаный картуз, кожаные же легинсы и с голым торсом, перетянутым паутиной узких кожаных ремешков и, как-то ловко и умело прижав к стене, начал, что-то ласково приговаривая, мять его за ягодицу и-и-и... ну-у-у... спереди. А потом впился в губы, попытавшись засунуть язык ему в рот... Как Алекс тогда бежа-а-ал! А добравшись до хостела, едва ли не полчаса торчал в душевой, остервенело работая во рту зубной щеткой. И потом еще с месяц шарахался от любого, одетого хотя бы в банальный кожаный пиджак... Так что его попытка стать по настоящему, по-европейски терпимым и толерантным закончилась, увы, крахом. Нет, он работал над собой. Но пока не очень-то получалось...

И вот сейчас, похоже, стена отчуждения наконец-то дала первую значимую трещину. Дитрих (друг, друг, друг!) приглашал его на свой день рождения!

- Й-а... кхм... конечно, Дитрих! - радостно выпалил Алекс, справившись с комком в горле. - Буду рад!

- Ну вот и отлично! - с довольным видом отозвался тот. - Праздновать будем в нашем родовом доме, в деревне. Добираться тебе придется самому. Мне надо будет уехать пораньше, в выходные. Но это ничего. Я тебе сейчас скину координаты, чтобы они у тебя были в телефоне - доедешь по навигатору. До нашей деревни Унтершехен тебе на байке часов семь-восемь всего. Мы за стол сядем часа в три, так что если выедешь часов в семь - как раз успеешь.

Алекс тут же поскучнел.

- Дитрих, после того что сегодня напел в уши герру Мозесу эта свинья Адлер, он точно отгула не даст.

- Это чепуха! Я с ним поговорю. Он знает мою семью и, я уверен, пойдет навстречу. А ты потом отработаешь. Ты согласен на такой вариант?

- Конечно, друг... - обрадованно закивал Алекс. И тут же деловито поинтересовался: - Есть какие-нибудь пожелания по подарку?

– Подаришь мне мотоочки, как у тебя, – и больше ничего не надо, – усмехнулся тот.

Глава 2

С поездкой на день рождения Дитриха все сложилось нормально. Отгул Алексу дали, хоть и со скрипом. Так что во вторник утром он выехал довольно рано и рассвет встретил уже на трассе E60.

Сначала он ехал аккуратно, не нагляя, но после Медлинга слегка притопил, зная, что на этом участке еще стоят старые камеры, фиксирующие только передние номера транспортных средств, которых на мотоцикле, как известно, нет. Быстрее всего было ехать через Мюнхен, но Алекс решил совместить полезное с приятным и после Линца свернул на Розенхайм, вскоре после которого начинались классные горные дорожки. Из-за раннего выезда времени было с запасом, так почему бы поездке не добавить еще немного удовольствия?

До точки на карте, в которой располагалось вполне себе симпатичное шале, он добрался около двух часов пополудни. Дорога с несколькими остановками на то, чтобы заправиться, размять ноги, перехватить кофе с сэндвичем и сделать на телефон несколько весьма впечатляющих снимков заняла восемь часов. Так что тело у Алекса слегка затекло. Поэтому, когда он зарулил на небольшую парковку перед домом – засыпанную гравием и аккуратно обрамленную по краям густым кустарником площадку, довольно плотно забитую почти дюжиной автомобилей и других транспортных средств, среди которых Алекс разглядел и хорошо знакомый мотоцикл Дитриха, – то не стал сразу звонить другу, а слез с «Харлея» и, сдвинув на шею очки, потянулся, а затем несколько раз присел и сделал пару-тройку широких махов руками. Усадьба, центром которой являлось шале, располагалась не в самой деревне, а в нескольких сотнях метров от нее, почти на опушке довольно густого леса и у подножия горного склона. Само шале было явно построено очень давно, за это говорило все – и пожухлый, но густой мох на здоровенных булыжниках, из которых был сложен первый этаж, и потемневшие бревна второго, и вообще общий вид постройки, но было основательным и неожиданно крупным. Ну для столь старинного строения. Сто или там сто пятьдесят лет назад (кто его знает, сколько точно лет этой постройке) в подобных местах строили куда скромнее... Алекс еще раз с хрустом потянулся и

расстегнул шлем, тут же стянув его с головы, после чего выдернул из зажима на руле смартфон, который во время поездки использовал как навигатор, и набрал Дитриха.

Тот не отвечал долго, минуты три, зато, прорезавшись, сразу взял быка за рога.

– Привет, ты где?

– Ну судя по тому, что рядом стоит твой мотоцикл, то около твоего дома, – с осторожной иронией отозвался Алекс. Уж больно голос у Дитриха был каким-то напряженным.

– Отлично, я сейчас... – и сразу же отключился. Алекс несколько недоуменно хмыкнул. Судя по реакции приятеля, с этим днем рождения не все так просто. И Дитрих, похоже, рассчитывает на него как на группу поддержки. Недаром приглашение на день рождения последовало сразу после его весьма напряженного разговора с матерью... Ну и пусть. Он, Алекс, совсем не против. Но при этом он изо всех сил постарается зарекомендовать себя перед родителями Дитриха с самой хорошей стороны. Потому что друзья-то приходят и уходят, а мать и отец – это навсегда. Других не будет. И если он произведет неблагоприятное впечатление, то со всеми надеждами, которые он питал в отношении этого дня рождения, скорее всего, можно будет полностью распрощаться.

Дитрих появился только через десять минут. И не один, а в сопровождении весьма милостивой женщины среднего возраста. Судя по некоторому внешнему сходству, это, скорее всего, была мама Дитриха. Ну или тетя. Или старшая сестра...

– Вот, мама, знакомься, это мой коллега и лучший друг Алекс Штрауб. – Ага, значит, верным оказалось первое предположение. Но выглядит она как-то не слишком радушно... Нет, дежурная улыбка, приклеенная к лицу женщины с момента ее появления на крыльце, сразу после слов Дитриха усилила интенсивность на несколько уровней, при этом все так же продолжая оставаться приклеенной. Алекс улыбнулся в ответ, постаравшись сделать это как можно искреннее. Но на первый взгляд это не принесло никаких дивидендов. Улыбка женщины не изменилась ни на йоту, а тон, которым она к нему обратилась, можно было принять за добродушный лишь с большой натяжкой:

– Guten Tag [11 - Добрый день (нем.)], мы рады, что вы выбрали время, чтобы посетить наше скромное семейное торжество, – причем Алексу показалось, что слово «семейное» она явно выделила голосом, при этом бросив в сторону сына весьма выразительный и отнюдь не теплый взгляд. Но тот лишь усмехнулся, причем весьма нагло, и эдак торжественно продолжил:

– Он – русский. Я подумал, что пригласить его будет весьма хорошей идеей. Ну чтобы немного разбавить нашу скучную немецкую компанию.

Брови матери Дитриха изумленно скакнули вверх, а лицо слегка искривилось в недоуменной гримасе, но она почти мгновенно справилась с собой и снова натянула на лицо все ту же улыбку.

– Хм... не знала, что это твоя инициатива, – пробормотала она в сторону Дитриха, после чего повернулась к Алексу: – Что ж... тогда – добро пожаловать в наш скромный дом, – после чего развернулась и двинулась в сторону входной двери. При этом ее спина явственно демонстрировала, что женщина чем-то сильно недовольна. Дитрих же, наоборот, являл собой полное удовлетворение.

– Э-э-э... я, похоже, как-то не вовремя, – озадаченно произнес Алекс, окидывая друга растерянным взглядом. Но тот широко улыбнулся.

– Не бери в голову – все просто отлично! – и с довольным видом хлопнул его по плечу. – Ладно, пошли, разденешься в моей комнате. Там все сейчас носят, так что им будет не до тебя.

Внутри оказалось весьма... винтажнo. Узкий коридор, мощная лестница из потемневшего от времени дуба. Пара дюжин фотографий, висящих вдоль нее, наиболее старые из которых так и хотелось обозвать дагерротипами. Мощные деревянные балки над головой.

– Наш предок построил этот дом еще в середине девятнадцатого века, – сообщил Дитрих, заметив, что Алекс с интересом осматривается. – У его отца было пятеро детей – три сына и две дочери. Наш был самым младшим. Так что отцовское наследство ему не светило никак. Вот он, подзаработав, и озаботился тем, чтобы обустроить своей семье основательное родовое гнездо. Тем более что у него к тому моменту тоже уже стало пятеро детей. А потом и еще парочка прибавилась. То есть после него осталось четверо сыновей и три дочери. Вот он,

кстати, на этом дагерротипе вместе со всей семьей. – Тут Дитрих ухмыльнулся и, наклонившись к уху Алекса, заговорщицки прошептал: – По семейным преданиям, деньги на такой большой дом наш пра-пра-пра – и так далее прадед заработал контрабандой во время австро-прусской войны. Уж не знаю, какую контрабанду и какой стороне он там таскал, но, судя по дому, дело оказалось весьма прибыльным, – после чего продолжил уже обычным голосом: – Но если тебе это интересно, то лучше обратиться к Urgro?vater [12 - Прадедушка (нем.)]. Он о наших предках знает куда лучше меня. Все, что я знаю о них, я узнал как раз от него. Вон его комната, кстати, напротив моей. Только... – Дитрих слегка замялся, – ему уже восемьдесят восемь лет, и потому он немного того... Ну ты понимаешь.

Едва только они поднялись на второй этаж и вошли в комнату, как Алексу позвонила мама. Он достал телефон, посмотрел на экран, вздохнул и смущенно покосился на Дитриха. Тот широко усмехнулся и, понимающе кивнув, вышел из комнаты. А Алекс собрался с силами поднес телефон к уху.

– Да, мама... Нет, я в гостях, в Швейцарии... Да, у друга – у него сегодня день рождения, и он меня пригласил... – Алекс послушно поведал все свои новости, выслушал длиннющий и уже ставший дежурным инструктаж на тему: «Будь бдителен и не водись с плохими компаниями. Там и зарплата маленькая, и начальник идиет». Мама была в своем репертуаре, продолжая бдительно держать руку на пульсе жизни сына. Он даже уже слегка жалел, что в свое время научил ее пользоваться WhatsApp. Без этого с такими ценами на международную связь она бы доставала его не чаще раза в месяц... Однако рано или поздно все приходит к своему завершению. Но когда парень смог наконец нажать отбой и, отложив телефон, стянуть с плеч куртку, из-за не менее винтажной двери, сбитой из толстых деревянных плах, внезапно послышалась какая-то возня, а затем чей-то весьма звонкий голосок возбужденно прошипел:

– Да я тебе говорю – он со своей Russland по телефону разговаривал!

– Да не-е-е, не может быть, – тут же отозвался второй. Не менее звонкий. Хотя оба собеседника, похоже, изо всех сил пытались сдерживать голос и даже шептать, но в том возрасте, в котором, судя по всему, пребывали собеседники, сдерживаться получается куда хуже, чем орать, прыгать и носиться как сумасшедшие. Между тем второй глубокомысленно продолжил:

– Сам подумай – откуда в этой Russland мобильные телефоны? У них же там Путин, и нет демократии. Ну как у этого... как его... ну который все обещает ракету по американцам запустить с атомной бомбой. Пухлый такой и узкоглазый... ну ты понял...

– А может, он в Russland не на мобильный звонил? Обычные-то телефоны уже лет сто назад придуманы, – резонно возразил первый. Однако ответ второго Алексу услышать не удалось. Потому что развернувшаяся за дверью дискуссия оказалась грубо прервана. Сначала из коридора раздался скрип открываемой двери, почти сразу же заглушенный громким топотом, свидетельствующим о том, что высокие участники дискуссии отчего-то сочли разумным торопливо покинуть... м-м-м... дискуссионную площадку. А спустя мгновение хриплый старческий голос сердито прохрипел им вслед:

– А ну-ка пошли отсюда, охальники! Расшумелись тут...

Алекс покачал головой и криво усмехнулся. Да уж, о-очень продвинутые дети. А еще у нас медведи по улицам ходят и вечерами водку пьют да на балалайке играют. Все-таки стереотипы – это зло. Но, сука, живучее...

Торжественный обед в честь знаменательного события прошел хреново. Во всяком случае, для Алекса. С ним практически не общались. Традиции возглашать тосты и чокаться тут не было, поэтому Дитриха быстро поздравили, после чего присутствующие быстро разбились на этикие «группы по интересам», в которых, как теперь стало уже совершенно очевидно, неожиданному гостю места как-то не оказалось. Даже банального любопытства в своем отношении он не ощутил. Его просто вежливо игнорировали. Нет, внешне все выглядело вполне благопристойно. Ему вежливо улыбались, вежливо просили передать то или иное блюдо, вежливо уточняли, не желает ли он сам чего-то из того, что лежало за пределами его доступности. И все. Дитрих как виновник торжества сидел от Алекса далеко, и к нему все время кто-то подходил пообщаться. Так что Алекс за весь вечер дождался от него только нескольких ободряющих взглядов. А его мать подошла к Алексу только раз. Уточнить, не доставит ли ему неудобство то, что среди выпивки на столе отсутствует водка. Алекс так и не понял, что стояло за этим вопросом – искреннее желание узнать или этакая скрытая издевка... Вследствие чего он плюнул на всех и начал потихоньку надираться киршем [13 - Крепкий напиток из черешни, традиционный для Швейцарии, Германии и Франции.].

Застолье закончилось как-то незаметно. То есть просто в какой-то момент Алекс внезапно обнаружил, что остался за столом практически в одиночестве. Не совсем, конечно, – на дальнем конце стола о чем-то тихо разговаривала еще одна компания из четырех человек, а вот все остальные куда-то исчезли. В том числе и Дитрих. Алекс поднялся из-за стола и почувствовал, что его слегка повело в сторону.

– Уф... надо же было так надринькаться... – пробурчал он. Алекс по жизни вообще-то пил довольно мало. И предпочитал куда более легкие напитки – пиво или сидр. Но в той ситуации, в которой он оказался... ну или вляпался, кирш показался ему наилучшим выбором.

До лестницы он добрался довольно быстро. В принципе, Алекс чувствовал себя не особенно и пьяным, его уже и не шатало, а голова вообще вроде как работала вполне нормально. Ну, похоже, так ему только казалось... Подняться на второй этаж, где, как он помнил, находится комната Дитриха, в которой он оставил куртку и остальные вещи, тоже удалось без особенных проблем. Даже не споткнулся ни разу. Но вот уже наверху дорогу неожиданно преградило непреодолимое препятствие...

– Urenkel [14 - Правнук (нем.).] сказал, ты из России?

Алекс резко остановился и уставился на довольно рослого седого деда, занявшего весь коридор и преградившего ему путь к двери, которая являлась его целью.

– Э-э-э... ja, – несколько смущенно и раздосадованно ответил Алекс. Ему было немного неудобно за то, в каком виде он предстал перед, судя по всему, патриархом семьи. Сам же бурчал по поводу того, что стереотипы – зло, а тут – на тебе, лично поспособствовал подтверждению одного из самых живучих. Между тем весьма суровое до сего момента лицо деда внезапно разгладилось, и он хрипло расхохотался, а затем вскинул вверху кулак и громко проревел:

– Stalin, Gagarin, Perestroika!

Алекс аж отшатнулся. А дед хрипло рассмеялся.

– Ладно, не бойся, не такой уж я ненормальный, как они говорят... – после чего кивнул в сторону приоткрытой двери, располагавшейся напротив той, к которой Алекс направлялся. – Заходи.

Комната деда оказалась заметно больше, чем у Дитриха. И намного... уютней, что ли. Ну или более обжитой. Пол, застеленный чьей-то шкурой с длинным ворсом, кресло-качалка, письменный стол у окна, фотографии на стенах, книги, какие-то безделушки на полках...

Дед кивнул на кресло, стоявшее напротив кресла-качалки:

– Садись, поговорим. А то у меня давно уже не было нового собеседника.

Алекс осторожно сел в кресло.

– Наверное, гадаешь, почему с тобой тут никто разговаривать не хочет? – неожиданно спросил дед. Алекс осторожно пожал плечами. Он пока не определился, как вести себя с прадедушкой Дитриха. С одной стороны, этот дед, считай, единственный, кто соизволил с ним заговорить. А с другой – несмотря на его слова, вел он себя не так чтобы очень нормально. Да и Дитрих предупреждал...

– Все просто. Для нас, швейцарцев, друзья и родственники – это разные миры. Не то чтобы совсем не пересекающиеся, но разные. Так что мой uenkel, пригласив тебя на семейное торжество, подложил всем родственникам большую свинью. То есть в первую очередь он хотел устроить это своей любимой mutter, которая уже давно вынашивает планы оженить его на дочери своей старой подруги. И потому решила припереть к стенке в семейном кругу. Вот он и того, решил разбавить этот круг посторонним. Ну чтобы матушка поубавила прыть... Но Дитрих не ожидал, что она пригласит на его день рождения столько народу. Так что получилось не совсем хорошо...

Алекс криво усмехнулся. Да уж, попал, как это говорится, «как кур во щи». А он-то радовался... Но вот что интересно – его собственная мама, наоборот, изо всех сил отваживала от него любых подруг. Почему – парень разобраться так и не смог. Может, боялась, что если он заведет семью, то ее влияние на сына уменьшится и тогда на мечте жить в «нормальной европейской стране» можно будет поставить крест, а может, просто банально ревновала к любой будущей

невестке. Как бы там ни было, едва только на горизонте появлялась какая-нибудь подруга, имеющая хотя бы потенциальные шансы перейти в разряд постоянных, как мамочка затевала целую армейскую операцию с внезапными телефонными звонками, неожиданными требованиями бросить все и срочно купить и привезти ей какое-то лекарство, вскочить среди ночи и немедленно нестись к ней на помощь, категорическими требованиями в определенный день и час непременно быть дома... А если это не помогало – собирала целый ареопаг из близких и знакомых и устраивала публичный наезд... Здесь же мама Дитриха, судя по вышесказанному, была настроена прямо противоположным образом, но действовала при этом практически так же, как его собственная мама... То-то Дитрих взбрыкнул. А как еще иначе назвать его приглашение? Ну в свете всех вновь открывшихся обстоятельств...

– Знаешь, кто это? – внезапно спросил дед, ткнув пальцем куда-то вбок. Алекс вздрогнул и развернулся в ту сторону. На стене висела копия того дагерротипа, который показал ему Дитрих, когда они поднимались по лестнице. Вернее... Алекс присмотрелся, похоже, клон висел именно на лестнице. А здесь, судя по всему, находился оригинал.

– Дитрих сказал, что это семья вашего предка, который построил этот дом.

– Ха... точно! – Дед довольно кивнул. – Его звали Курт-Фридрих! А это его дети, – дед ткнул в фотографию сухим, длинным пальцем с пожелтевшим ногтем, – Вильгельм, Йохан, Эльза, Марта, Гюнтер, Эстер и вот этот пухлощекий карапуз – Карл. Карл потом, когда вырос, уехал в США. Я, когда был помоложе, пытался найти его следы. Кое-что нашел. Он отплыл из Гамбурга на пароходе Северогерманского Ллойда и, прибыв в Америку, обосновался в Чикаго. Там у него в тысяча восемьсот девяносто восьмом родился сын, которого, кстати, звали, как и тебя – Alexander. Но во время Первой мировой их следы затерялись. Может, куда-то переехали, может, его призвали в армию и он погиб, а может, просто погиб. Во время обеих мировых войн немцев в Америке не очень-то любили. А разбираться, чем швейцарец отличается от немца, они там не научились даже сейчас... – Он тяжело вздохнул и замолчал. Алекс также сидел молча. Ему было не очень комфортно, и он был бы рад уйти из этой комнаты, но опасался что-то сделать не так. А ну как дедуля разнервничается и потребует выставить его на ночь глядя и пьяного. Кто его знает, ненормального... Или вообще даст дуба. А что – совсем не исключено. Лет-то ему эвон сколько! Давление скакнет – и все.

– Все остальные остались здесь, – между тем продолжил прадедушка Дитриха. – И пережили все войны. Нет, кое-кто погиб, в основном из-за бомбардировок в Германии. Боев-то у нас не было. Швейцария сумела отстоять свою независимость и нейтралитет в тысяча девятьсот сороковом. Немцы так и не решились на операцию «Танненбаум». Но швейцарцы всегда вели дела в Германии. Вот кое-кто и попал под бомбежки... А теперь вот мы, их потомки, несколько раз в год собираемся в нашем родовом гнезде тесным семейным кругом по всяким веским поводам. Ну если кто-нибудь не взбрыкнет, как этот сопляк Дитрих, и не устроит что-то подобное сегодняшнему... – Дед опять хрипло рассмеялся, а затем как-то резко замолчал и вытер неожиданную слезу. – Он мне сильно напоминает меня в молодости. Я был таким же упрямым. А внешне он сильно похож на дедушку Йохана. – Старик снова ткнул в фотографию пальцем. – Это наш предок, ха! А ты... – дед сделал паузу и уставился на Алекса подозрительным взглядом, – похож на Карла. Я видел его фото в иммигрантском архиве в Нью-Йорке. Ты, случайно, не тайный наш родственник, приехавший тут разнюхать по поводу наследства?

Алекс с тоской подумал: «Ну вот, началось...» – и торопливо заговорил:

– Нет. Я вообще никогда не был в США. Я всю жизнь прожил в России, в Саратовской области, на Волге, в городе Энгельс. Дело в том, что... – и осекся, прерванный новым взрывом хриплого хохота.

– Испугался! Ой, не могу! – хохотал дед, хлопая себя по ляжкам. Алекс же замер, лихорадочно размышляя, как поскорее выбраться из этой комнаты. Пожалуй, Дитрих был прав относительно своего прадеда. Тот уже действительно немного того... или не немного...

– Видел бы ты свою рожу... – довольно заявил дед, успокаиваясь. – Хотя на Карла ты действительно немного похож. Если приглядываться... Ты марки собираешь?

– Что? – столь резкий переход темы застал Алекса врасплох. – Марки? Я?

– Ну, да, – серьезно кивнул дед. – Марки. Я собирал, когда был молодым. У меня было двенадцать альбомов. Потом продал. В двадцать один год. Деньги были нужны – ну и... Сейчас жалею.

– Ну-у-у... в детстве собирал, – соврал Алекс. – Недолго.

– Ха, значит, и бонистика тебя точно привлечет! – с воодушевлением заявил дед. После чего резво вскочил и пошаркал к столу.

– Вот, – торжественно заявил он, вернувшись, – смотри. Это банкноты Швейцарии. Выпуска тысяча девятьсот четырнадцатого года. Начальный комплект – пять, десять и двадцать франков. Были выпущены на немецком, французском и итальянском языках. А это доллары США того же года. Пять и десять долларов. Эти вообще можно предъявлять в любой банк как обычное платежное средство. Берешь?

– Э-э-э... – растеряно начал Алекс, но дед не дал ему возможности отказаться.

– Ты не волнуйся насчет плохого состояния. Деньги самые настоящие. Я их обнаружил вот здесь, – он снова вскочил и прошаркал к стене, где надавил на пятиугольный камень неправильной формы, который с натугой повернулся, открыв небольшую нишу. – Наверное, кто-то сделал тайник и забыл про него. Или вообще помер, не успев никому ничего рассказать... – Дед хрипло хохотнул. – Так что они точно настоящие – никаких аукционов или покупки через Интернет. И насчет цены не беспокойся. Как другу urenkel – отдам дешево. Сколько у тебя сейчас франков?

– Ну-у-у... пятьдесят, – ответил Алекс. На первой же заправке он на всякий случай снял в банкомате пятьдесят швейцарских франков. Конечно, Швейцария – развитая страна, и карточки здесь принимают везде, но случаи бывают разные. Вон парни в клубе рассказывали, как им во время одного из туров по Татрам пришлось договариваться с каким-то диким фермером на тракторе, чтобы он подвез их и разбитые мотоциклы до ближайшего городка. И тот почему-то наотрез отказывался и взять евро, и заехать в городок, чтобы они сняли денег в банкомате. Пришлось собирать по карманам все наличные кроны...

– Давай, – решительно произнес дед. И когда растерянный Алекс вытащил из кошелька сложенную купюру, быстро цапнул ее и всучил ему конверт со старыми деньгами. – Бери! – После чего решительно указал на дверь: – Все, иди. Я устал.

Добравшись наконец до комнаты Дитриха, Алекс обессиленно рухнул на кровать. Да уж, приключеньце... Но прийти в себя ему не дали.

– Ты уже здесь? – констатировал очевидное Дитрих, открывая дверь и заходя в комнату. – Ты извини, я сегодня виноват перед тобой... – тут он замер, уставившись на конверт в руке Алекса, а потом негромко выругался: – Вот schei?e! Urgro?vater опять принялся за свое... Сколько ты ему заплатил за этот мусор?

– Пятьдесят франков, – несколько испуганно отозвался Алекс, – а что?

– Ну это еще ничего... – облегченно выдохнул Дитрих. – Но все равно тебе лучше прямо пораньше сдернуть, – и пояснил: – У деда слабое сердце, а он любит пропустить пару-тройку рюмок кирша с приятелями в деревенской кнеіре. Поэтому mutter отобрала у него все деньги и карточки. Вот он и придумал себе подобный способ заработка – ловит кого из гостей, кто не в курсе, и всучивает ему этот старый мусор, который обнаружил в каком-то тайнике в своей комнате.

– Мусор? – настороженно уточнил Алекс. Не то чтобы он действительно вдруг воспыал желанием заняться бонистикой, да и деньги были отданы не очень большие. И, если уж быть до конца честным, он был даже рад отделаться пятьюдесятью франками за возможность слинять из комнаты деда. Но ощущение, что его снова развели как лоха, ему все-таки очень не нравилось.

– Нет, банкноты действительно настоящие, хоть и старые. Просто мелкие и потрепанные. Поэтому стоят очень мало. Крупные и относительно ценные в тайнике тоже были. Причем не только франки – еще и доллары, и фунты стерлингов, насколько я помню. Видно, кто-то из предков заначку сделал на черный день. Или копил на что-то. Но воспользоваться почему-то так и не сумел... Но те mutter забрала. А вот такие, мелкие и потрепанные, оставила. Дед тогда сильно разнервничался, так что она сочла за лучшее не отбирать все. Думала, что с мелкими он ничего сделать не сможет. В таком состоянии их даже через Интернет не продашь – только обменять в банке, до которого деду никак не добраться. А он вишь как приспособился... – Дитрих усмехнулся. – Но если она выяснит, откуда у него снова появились деньги на выпивку, а дед, можешь мне поверить, с утра точно слиняет в деревенскую кнеіре, – нам обоим не поздоровится. Ну я-то ладно, выдержу. Не в первый раз. А вот тебе лучше уехать до того.

– Понятно, – уныло отозвался Алекс. Да уж, можно констатировать, что все его планы и надежды на эту поездку дружно ухнули в трубу. Причем канализационную. Впрочем... он покосился на Дитриха – может, все и не так

плохо. Дед же сказал, что семья и друзья для швейцарцев – разные миры. Так что, может, Дитрих наконец-то включит его в круг своих близких друзей? Хотя бы под воздействием чувства вины. Это было бы достойным вознаграждением за все те проблемы, в которые швейцарец втянул его этим своим приглашением...

Глава 3

Алекс проснулся от того, что у него замерз нос, несмотря на то что спал он под тяжелым одеялом из гусиного пуха, считай, периной. Просто температура в комнате к утру падала до отрицательных величин. Впрочем, и днем в шале было не так чтобы тепло, потому что печь протапливали только раз в день – утром, когда попутно готовился завтрак и делались заготовки для обеда. И только в это время температура могла кратковременно, на час-полтора, подняться выше двадцати градусов, после чего начинала постепенно падать. Второй же раз, вечером, печь протапливали, только если стояли совсем уж сильные морозы, чего сейчас, например, ожидать не особенно приходилось. Все-таки апрель в Швейцарии – месяц по-настоящему весенний. Хотя здесь, в горах, ночами температура по-прежнему опускалась заметно ниже нуля...

Повалявшись еще минут десять, Алекс тяжело вздохнул и, отбросив одеяло, принялся торопливо, поеживаясь, одеваться. Сначала он натянул на кальсоны байковые штаны, затем добавил к ним теплые вязаные чулки, потом на нательную рубашку надел грубую шерстяную рубашку и уже поверх нее – меховую безрукавку с потертой вышивкой. Вещи были грубоваты и слегка кололись, но в своей джинсе и полусинтетике он бы точно дрожал от холода. Либо ему пришлось бы ходить по дому в верхней одежде... Эх, вот не ценим мы настоящие блага цивилизации! Думаем, что самое важное – это новый iPhone, iPad или там какая-нибудь Tesla Model X. Да чепуха все это! Самым главным благом цивилизации, несомненно, является водяное отопление. Вы даже не представляете себе, какой это класс, когда у тебя в комнате не только тепло, но еще и температура весь день и всю ночь поддерживается на комфортном уровне. Весь день и всю ночь! А чего стоит возможность в любой момент принять душ? Да, блин, просто умыться и побриться, не грея предварительно часами воду на дровяной печи или в лучшем случае в таком же дровяном титане, а просто банально открыв кран. А само бритье? Вы когда-нибудь пытались бриться опасной бритвой? Да-да, той самой, которая «бритвой по горлу – и в колодец». Вот и Алекс того... не рискнул. Оттого и щеголял сейчас роскошной

двухнедельной щетиной. На которую, впрочем, его новоиспеченные швейцарские родственники поглядывали с вполне ощущаемым одобрением. Поскольку и сами в подавляющем большинстве также щеголяли бородами. Да уж, на такое приключение парень никак не рассчитывал...

* * *

На следующее утро после дня рождения Дитриха Алекс проспал. Ну да, за прошлый день он принял «на грудь» несколько своих обычных норм, вследствие чего в том, что утром парень с трудом смог продрать глаза, не было ничего удивительного. Впрочем, попадания под горячую руку матушки Дитриха ему все-таки удалось избежать. Благодаря, кстати, детям. И деду.

Когда он, продрав-таки глаза, бросил мутный взгляд на часы на мобильнике, было уже девять утра. Белый день по австрийским и немецким меркам, где практически все магазины, кнайпы, кафе, школы и существенная часть производств и офисов начинают работу с семи, максимум восьми часов. Так что, узрев время, парень тут же подскочил и принялся торопливо одеваться.

Дитриха не было, но Алекс решил его не дожидаться, а сразу же линять. Если все, что он вчера узнал и понял про его матушку, окажется правдой, встречаться с ней точно не стоит. Но чем дольше он задержится – тем более вероятной становится такая встреча. Так что следовало воспользоваться пока еще имеющейся возможностью и тихо исчезнуть, а с Дитрихом лучше потом в Вене пересечься...

Уже скатившись по лестнице, Алекс вынужден был резко затормозить, потому что услышал с той стороны входной двери приближающиеся голоса – один хриплый, точно принадлежащий вчерашнему деду, а другой высокий, визгливый, женский. Причем визгливый звучал явно обвинительно, а вот хриплый неуклюже оправдывался.

– ...в вашем возрасте больше ответственности, Gro?vater [15 - Дедушка (нем.)]. И вообще, вы мне так и не ответили, где раздобыли денег? Неужели у этого русского? Все остальные уже давно в курсе вашего kleineunternehmen [16 - Маленький бизнес (нем.)]. Ну если это так, то...

Алекс испуганно попятился и отчаянно огляделся по сторонам. И куды бечь?

– Скажите, а у вас в Russland есть мобильные телефоны?

– Что? – Алекс едва не подпрыгнул от неожиданности, но удержался и лишь резко развернулся. Прямо за его спиной обнаружилась парочка пацанов, по виду лет шести-семи от роду, с любопытством смотрящих на него.

– Э-э-э... у-у-у нас? М-м-м... вот что – я вам расскажу, но сначала... у вас тут нет черного хода?

– Есть, – оба синхронно кивнули. – Идите за нами! – И они, мгновенно развернувшись, с места рванули куда-то за лестницу и под нее. Алекс бросился за ними, на ходу расслышав, как открывается входная дверь...

До черного хода он добрался вполне успешно. И до мотоцикла тоже. Вот только выезд со стоянки был перекрыт ухоженной BMW-единичкой. Похоже, мама Дитриха предприняла некоторые усилия, чтобы неожиданный гость не смог уехать, так сказать, не попрощавшись. Нет, можно было рвануть напролом через кусты, но Алекс решил настолько не нагнеть. Мама у Дитриха по характеру еще тот unteroffizier [17 - Унтерофицер (нем.)], так что не стоит раздражать ее сверх меры. Еще упрется и напроць запретит сыночку дружить с «этим варварским русским». Сейчас-то он не только виновник, но еще и, так сказать, жертва коварства деда, а вот поломай он еще и кусты... Так что Алекс ухватил мотоцикл за руль и поволок в сторону проема в стене кустарника, от которого начиналась аккуратная дорожка, ведущая как раз к черному ходу, на ходу принявшись рассказывать:

– В Russland есть мобильные телефоны, а также самолеты, поезда, машины и компьютеры. Все, что есть и в Швейцарии. А также многое из того, чего в Швейцарии нет.

Любопытные глазенки обоих пацанов удивленно округлились. Мол, как так-то – а как же демократия? Они, скорее всего, и сами не слишком еще представляли, что именно означает это слово, но уже пребывали в унаследованной от взрослых абсолютной уверенности, что это великая непреходящая ценность, отсутствие или недостаток которой у кого бы то ни было делает их убогими или вообще неполноценными. Во всех отношениях... Впрочем, что взять с этих милых деток –

сам Алекс еще не так давно считал именно так. До своего переезда в Австрию. А вот после... Нет, он и сейчас продолжал считать так же. Демократия – форева! Не то что всякие там монархии или олигархии. И плевать, что они появились практически одновременно и были подробно описаны и классифицированы еще почти две с половиной тысячи лет назад древнегреческим философом Платоном. И все эти две с половиной тысячи лет регулярно сменяли друг друга, никак не замедляя неуклонного поступательного развития человеческой цивилизации. Из чего следует, что не только одна лишь демократия, а все эти формы организации общества для человечества вполне приемлемы и даже естественны. Более того, очень может быть, что именно регулярная смена этих форм и нужна человечеству, а также отдельным странам и континентам для успешного развития... Нет, для него демократия до сих пор была самой лучшей формой организации общества! А всякие монархии, олигархии, тоталитаризмы, коммунизмы и все такое прочее – отстой и дремучее средневековье. Ну или позор и рабство... Просто после переезда в Австрию его представление о Европе как о «сияющем граде на холме», в котором жизнь наполнена счастьем и удовольствием и никаких особых проблем тут нет и быть не может, сильно потускнело. Как выяснилось, все, что раздражало и напрягало его дома – лень, бюрократия, равнодушие и даже взяточничество полиции и чиновников, «кавказ и таджикистан» на улицах, – вполне имеется и здесь. Причем последнее даже еще в куда более жестком варианте «марокко и пакистана». Несмотря на всю демократию... Причем в Австрии с этим все было еще терпимо. Хотя с подобными вещами он все равно сталкивался, но, слава богу, пока без особенных потерь. А вот в тех же Италии, Греции, Португалии и еще доброй дюжине других стран Евросоюза подобные проблемы просто цвели и пахли. Алекс об этом знал точно. Поскольку вследствие того, что ни с кем из «коренных» австрийцев ему накоротке сойтись не довелось, парень по большей части вращался в среде таких же, как он, эмигрантов, среди которых довольно многие имели немалый стаж проживания в упомянутых странах. Вот они и порассказывали. Ну да, недаром есть анекдот о том, что нехрен путать туризм и эмиграцию... Так что к своей покинутой родине он, к собственному удивлению, здесь, в Европе, стал относиться с куда большим пиететом. Если уж здесь, то есть на земле, где и родилась демократия, с ней все далеко не сахарно, что уж говорить о его стране. А довольно частое завистливое: «Вам-то хорошо – у вас Путин» – вообще грело сердце. Хотя дома Алекс считал себя принципиальным и непримиримым противником «несменяемости власти».

– А что? – тут же поинтересовались его неожиданные спасители.

– Ну, например, космические ракеты, – усмехнулся Алекс. – Или атомные ледоколы. Или огромные пассажирские и грузовые самолеты собственного производства.

– В Russland есть космические ракеты? – Пацаны удивленно переглянулись.

– Не просто есть. Самый первый künstlichesatelliten [18 - Искусственный спутник (нем.)] нашей планеты Земля запустили именно русские. И первый человек в космосе – русский, Юрий Гагарин. Кстати, ваш Urgro?vater о нем знает.

Пацаны изумленно переглянулись. Их простой и понятный мир только что дал о-о-огромную трещину. А потом тот, который и задавал вопросы, нерешительно спросил:

– Э-э-э... это было еще при Гитлере? Ну когда вас американцы еще не освободили?

Алекс аж затормозил. Вот ни фига себе заявочки!

– Нас? Американцы? А вы знаете, кто взял штурмом столицу Гитлера – Берлин?

Пацаны уверенно улыбнулись.

– Американцы – кто же еще? – уверенно заявил первый. А вот второй, уловив какой-то подвох, осторожно предположил:

– Ну-у... там, наверное, еще и англичане были. Они же тоже с Гитлером воевали. Вроде...

– Нет, – гордо мотнул головой Алекс. – Русские. Маршал Жуков.

Если честно, кто именно из советских полководцев взял Берлин на самом деле, он точно не знал. Но то, что в то время был такой Жуков, которого еще и называли маршалом Победы, помнил точно... Пацаны растеряно смотрели на него. Трещина в их мироустройстве приобрела прямо-таки катастрофические размеры. И с этим нужно было что-то делать... То есть как-то восстановить пошатнувшееся на фоне изложенного реноме – если не западной цивилизации в

целом, то хотя бы родных мест. Поэтому первый, самый бойкий, собравшись с духом, выпалил:

- А-а-а... зато у нас тут рядом есть развалины. Старинные! И еще там люди пропадают! Вот!..

- Развалины?

- А-а, ты еще не уехал. - Алекс развернулся. За его спиной стоял незаметно подошедший Дитрих, похоже, выбравшийся из той же двери черного хода, через которую пацаны вывели и его самого. - Советую тебе уже трогаться. Mutter установила твою роль в деле *urgro?vater*, так что ей под горячую руку лучше не попадаться. В Вене я тебя найду. Ты же будешь на телефоне?

- Конечно! И я уже трогаюсь. - Алекс торопливо застегнул шлем и надвинул очки.

- Через поле лучше не ехать, - посоветовал Дитрих, оглядываясь, - ночью был дождь - можешь застрять. У тебя же чисто асфальтовые шины. Так что, даже и скорее всего, застрянешь. И уж точно извоишься как свинья.

- А-а-а... как? - растерянно спросил Алекс, уже поставивший ногу на кик-стартер.

- Езжай вон по той старой дороге. Она идет по горе и лесу и выведет тебя на Шпиринген. Тебе придется сделать крюк через Альтдорф и Ингенболь, но после Шпирингена дорога уже нормальная пойдет.

- А развалины как раз по той дороге. Ну где люди пропадают, - тут же влез один из пацанов.

- Никто там не пропадает, - махнул рукой Дитрих, - сказки все это. Мы в детстве там все облазили. И никто не пропал. Хотя место там действительно живописное... Кстати - на, я тут тоже собирался слинять подальше, покуда *mutter* немного не успокоится, и прихватил себе пару яблок и бутербродов и бутылку воды. Но тебе нужнее будет. Ты же не завтракал? Вот и пожуешь в дороге до первой кнайпы или заправки.

До вышеупомянутых развалин Алекс добрался довольно быстро. Место и впрямь оказалось живописное. И довольно глухое... То есть поначалу он их чуть не проехал, поскольку развалины располагались практически на обратном скате горы, в густых зарослях и где-то в полукилометре от дороги. Так что с дороги, проходившей через довольно густой лес, их было видно очень плохо... Однако в последний момент он их все-таки разглядел. В принципе, одного интереса, который возбудили в нем рассказы пацанов и Дитриха, для того, чтобы Алекс свернул к этим развалинам, было недостаточно, но желудок после вчерашнего и всех утренних треволнений явственно требовал закинуть в него хоть что-то. А о сушняке и говорить нечего. Он и так уже перед тем, как тронуться, уполовинил бутылку... Так что Алекс решил устроить себе перекус в живописном месте с попутным осмотром местных достопримечательностей и, свернув с дороги, покатыл к развалинам.

Когда он подъехал поближе, продравшись через заросли довольно густого кустарника, выяснилось, что развалины куда обширнее, чем это просматривалось с дороги. Оттуда видно было только один угол почти совершенно развалившегося строения, судя по кладке, похожего на какую-нибудь овечью кошару, торчащий из-за низкого кустарника, словно больной зуб. А когда он подъехал поближе, выяснилось, что развалившееся строение точно было куда больше кошары. Несмотря на то что оно было разрушено практически полностью. Но самым впечатляющим здесь были отнюдь не развалины, а вид, который открывался с этой точки. Алекс остановил мотоцикл и несколько мгновений восторженно созерцал раскинувшуюся перед ним картину, а затем потянулся за телефоном. «Инстаграм» вздрогнет...

В этом месте дул довольно сильный ветер, поэтому парень расположился за полуразвалившейся стеной из камней, бросив на землю походный коврик, прописавшийся в одном из боковых кофров еще со времен первых мототуров. Впрочем, шикарный вид с этого места был вполне к его услугам.

Бутеры оказались с домашней бужениной и сыром. А яблоки, похоже, местные. Потому что слегка пожухлые и с сухими листиками на длинном черенке, в которых запутались несколько соломинок. Судя по ним, яблоки хранились в соломе, что явно выдавало их немагазинное происхождение.

После перекуса настала очередь более детального осмотра достопримечательностей. Что оказалось весьма непростым делом. Несмотря на глобальное потепление, март в горной Швейцарии все-таки оставался временем

достаточно холодным. И ночные заморозки здесь также все еще являлись обычным делом. Так что валуны и выпавшие из разрушенной кладки каменные осколки, усыпавшие развалины, были почти сплошь покрыты наледью, которую яркое и уже начавшее припекать утреннее солнце полностью растопить пока не успело. Поэтому достичь скалы, вплотную к которой когда-то примыкала разрушенная постройка, Алексу удалось с трудом и проявив просто чудеса эквилибристики. Тем более что его классические «круизерные» мотосапоги с крупным рисунком на подошве оказались не очень-то приспособлены для подобных пируэтов на скользких камнях. Он даже пожалел, что снял шлем. Звездануться о камни головой было бы очень неприятно... Добравшись до цели, Алекс присел на крупный валун и, опершись спиной о скалу, вытащил смартфон. Ему стало интересно, что же это за место. Google и Bing не выдали ничего. На Yahoo нашлась ссылка на какой-то форум, где были упоминания о «развалинах монастыря в лесу между Унтершехеном и Шпиренгеном», тут же опровергнутые другим посетителем, утверждавшим, что это были развалины сторожевой башни. Его, как это обычно бывает, мгновенно высмеяли, ехидно поинтересовавшись, а что там можно сторожить с этой стороны, потому что там такая местность, что горные козлы ноги поломают, и тема быстро скатилась в обычный троллинг... То есть никакой внятной информации с первого захода найти так и не удалось. Второго же, хмыкнул про себя Алекс, скорее всего, и не будет. А вот приметную вершину впереди опознать удалось. Это был HochFulen... Покончив с лазаньем по Интернету, Алекс встал, потер слегка замерзшую от сидения на голом камне задницу (коврик остался на месте перекуса) и сделал широкий шаг вперед, наступив на крупный камень, покрытый уже подтаявшей наледью. Но когда он уже перенес вес тела на вытянутую вперед ногу, под ее каблуком что-то хрустнуло, и его резко повело в сторону. Алекс судорожно взмахнул руками, попытавшись за что-нибудь ухватиться (да хоть за воздух, блин!), а затем испуганно заорал и рухнул на спину. В последний момент, когда его затылок уже почувствовал холодную близость стылых камней, он судорожно дернул головой и испуганно подумал: «Сука, с дороги же ничего не видно – и не найдет никто!» А потом наступила тьма...

* * *

Облачившись, Алекс подошел к двери и, чуть приоткрыв ее, прислушался. Снизу слышались стуки и позвякивания. Похоже, tante [19 - Тетя (нем.)] Марта тоже уже встала. Алекс довольно улыбнулся и, выйдя из комнаты, двинулся вниз по лестнице. Он пока еще считался больным, поэтому хозяева дома всячески оберегали и никак не нагружали своего внезапно объявившегося американского

родственника. Ну еще бы – воспаление легких в результате дичайшей простуды в это время почти приговор! Так что его выздоровление все восприняли чудом и результатом действия «новейших патентованных препаратов», которые на самом деле были всего лишь несколькими упаковками таблеток, завалившихся в одном из карманов «косухи». Причем, вот ведь анекдот, это была не какая-нибудь там дежурная аптечка, а, считай, мусор из нее.

Дело в том, что в ближайшем к его дому сетевом супермаркете «Lidl» шла постоянная акция «помощи беженцам и малоимущим», внешне выражавшаяся в нескольких пластиковых контейнерах, в которые сердобольные граждане должны были складывать вещи, продукты питания, лекарства и все такое прочее, чем они хотят поделиться с «обездоленными». Сам супермаркет регулярно наполнял эти контейнеры своими продуктами... как правило, впрочем, с уже истекающим сроком хранения. Ну и бережливые бюргеры ушли от него не слишком-то и далеко, предпочитая благотворительствовать путем избавления от накопившегося хлама... Впрочем, надо отдать должное, альтруистов, искренне делящихся новым и качественным, все же было немало. А однажды Алекс даже наблюдал целый школьный класс, дисциплинированно, под командой учительницы, зашедший в торговый зал, где дети набрали на свои невеликие карманные деньги продуктов, одежды, обуви и игрушек, после чего все так же дисциплинированно сложили купленное в контейнеры... Но лично Алекс «благотворил» вполне в духе большинства. И те самые таблетки, которые сейчас спасли его жизнь или как минимум здоровье, были несколько дней назад отбракованы из его мотоаптечки как раз вследствие того, что сроки их годности должны были закончиться в ближайшие месяц-два. Он засунул их в карман, собираясь бросить в контейнер в «Лидле», но замотался и забыл.

Tante Марта действительно уже хлопотала у большой плиты. Заметив Алекса, она ласково улыбнулась ему и поздоровалась:

– Доброе утро, Алекс. Не стоило тебе вставать. Ты же еще не до конца выздоровел.

– Благодарю, tante, но валяться в кровати целыми днями уже никаких сил не хватает...

– Понимаю... Я сама терпеть не могу ничего не делать. Но все равно ты должен быть осторожен. Как вспомню, в каком виде ты до нас добрался, – так снова прихожу в ужас.

Да уж, это точно был тот еще хоррор...

* * *

Когда Алекс очнулся, то с минуту никак не мог понять, где находится. Во-первых, было жутко холодно. Во-вторых – темно. Он попытался пошевелиться и... не смог! Жутко болела голова, горло, а еще его бил озноб. Это – ад? Но там же вроде жарко, не? Да и в ад, как говорят, попадает одна лишь голая душа. Тело же должно в это время спокойно гнить в земле. Так что ни голова, ни горло там болеть никак не могут. Так что, похоже, он пока все еще на этом свете. Но вот темнота... Это сколько же он провалялся-то? Часов семь? Нет, здесь горы – солнце скрывается раньше, но закат виден дольше. Значит, больше. То-то он так задубел. Воспаление легких практически гарантировано... Алекс прикрыл глаза, собрался с силами и рванулся всем телом, попытавшись хотя бы перекатиться на бок.

– А-а-а, су-у-ука-а-а... – Это было больно. Тело будто пронзило сотнями иголок. Но зато начала возвращаться чувствительность. Слава богу, что температура днем точно была плюсовой, так что он себе, похоже, ничего не отморозил, но серьезное переохлаждение точно схватил... Алекс чуть отдышался, а затем попытался что-то предпринять с чувствительностью конечностей. Сначала дело шло туго, но минут через десять он сумел-таки снова почувствовать руки и ноги, а еще через пять минут, опираясь спиной на какой-то валун, и принять полусидячее положение. Немного отдохнув, Алекс с трудом согнул руку и залез в карман за мобильником. В подобном состоянии на мотоцикл лучше не садиться, так что лучшим выходом было позвонить Дитриху и попросить его приехать.

– А-а... лять! Да что ж так не везет-то! – Телефон оказался разбит напрочь. Да еще, похоже, сгорел. Из-за изуродованного от удара корпуса понять, так ли это на самом деле, было сложно, но гарью от него пахло. Так что рассчитывать, похоже, нужно было исключительно на себя... Алекс еще несколько минут посидел, собираясь с силами, а затем подтянул ноги и, упираясь в валун спиной и локтями, попытался подняться. До половины роста процесс продвигался успешно, а затем валун кончился, и парень завис в неустойчивом равновесии. Побалансировав в таком положении несколько секунд, Алекс понял, что еще чуть-чуть – и он рухнет обратно. Поэтому парень стиснул зубы и, упираясь в обледенелый валун непослушными пальцами, сумел-

таки поднять себя на ноги. Теперь, чтобы добраться до мотоцикла, предстояло преодолеть десяток метров пространства, засыпанного битым камнем.

– Черт, чувствую себя Буратино, – пробурчал Алекс и сделал первый осторожный шаг все еще деревянными ногами. И чуть не упал снова. Похоже, преодолеть этот участок в вертикальном положении в подобном состоянии ему не светило. Надо было опускаться на четвереньки и ползти, но с только что взятой «высотой» расставаться очень не хотелось. Однако, покипя пару минут, парень, кряхтя от боли в конечностях, опустил-таки на четвереньки и пополз вперед.

– Вот те здрасьте... – ошеломленно выпалил парень, когда наконец добрался до конца развалин. «Харлея» не было. Вообще. Никаких следов. Алекс взвыл и выдал многоэтажную матерную тираду.

– Вот ...ляди! Я ж даже еще кредит не закрыл, – протянул он со слезой в голосе, завершив этим стоном матерную релаксацию, после чего обессиленно привалился к тому самому полуразвалившемуся углу, который единственный был виден с дороги. И что делать? Идти пешком? В принципе, тут недалеко – полкилометра до дороги и еще где-то километр-полтора по ней. Причем под горку. Пятнадцать минут шагом... Ага, в его-то состоянии. Но никаких других вариантов не просматривалось. Алекс еще несколько минут посидел, собираясь с силами, а затем снова поднял себя на ноги и, пошатываясь, двинулся вперед.

До шале, построенного предком Дитриха, он добирался, вероятно, не меньше часа. Сколько точно – узнать было негде. Так что на самом деле могло пройти часа и два, и три, а могло и всего полчаса. Телефон-то не работал, а других часов у него отродясь не было. Зачем, если есть телефон? Уже на финишной прямой Алексу в глаза бросилось резкое несоответствие видимой картины современной реальности – несмотря на темноту, ни само шале, ни виднеющаяся вдали мрачным массивом деревня были совершенно не освещены. Ну вот вообще ни единого огонька! Даже окна не горели.

– Авария на линии у них тут, что ли? – прохрипел Алекс, остановившийся передохнуть, опершись о ствол довольно могучей ели. Его шатало от слабости, да и горло болело все сильнее и сильнее... Впрочем, если честно, это было не первое замеченное им несоответствие. Таковых за время его скорбного пути накопилось уже немало. Во-первых, снег на дороге. Насколько парень помнил, с утра он ехал по почти чистому асфальту, чистоту которого, кстати, разбавлял вовсе не снег, а лишь редкие лужи, еще подернутые с ночи хрустким ледком.

Здесь же дорога была почти полностью завалена плотным, слежавшимся снегом. Пока он валялся в отключке, прошел снегопад? А почему тогда его самого снегом не засыпало? Ну пока он валялся... Да и снег был вовсе не рыхлым, каковым он должен быть после недавнего снегопада, а именно плотным и слежавшимся. Во-вторых, сам асфальт... Его не было. Ну то есть он теоретически вполне мог быть там, под снегом, но вот в редких прогалинах сквозь снег проглядывала только мерзлая грязь без малейших следов асфальта. Как будто эта дорога находилась не в богатой и ухоженной европейской стране, а в каких-нибудь дальних ебнях Саратовской области. В-третьих, следы. На снегу не было ни единого следа от шин, зато следы от полозьев саней и еще каких-то узких колес, которые можно было принять за тележные, вполне имелись. Не то чтобы так уж много, но были... И как это понимать? Впрочем, Алексу в настоящий момент было не до разгадывания любых загадок. Уж больно ему было плохо. Так что парень просто поставил очередную отметочку в памяти, а сам постарался полностью сосредоточиться на том, чтобы добраться до цели. До которой, кстати, остался последний рывок. А его состояние между тем становилось все хуже и хуже. Так что размышлять над всеми этими несоответствиями будем потом. Когда выживем. Если выживем...

Перед самой дверью черного хода Алекс не удержался на ногах и упал, «удачно» приложившись лбом об эту самую дверь. Впрочем, может, и на самом деле удачно. Потому что сил постучать у него практически не осталось, даже на ногах держаться уже удавалось с трудом, а так получилось весьма гулко. Хотя и больно. Так что, когда дверь распахнулась и на пороге появилась пожилая женщина в чепце и накинутой на плечи толстой шали из серой, некрашеной овечьей шерсти с горящей свечой в руке, у него перед глазами все плыло.

– Кто вы и что вам нужно? – строго произнесла она.

– Й-а-а... – хрипло протянул парень, слова еле-еле пробивались сквозь горящее горло, – помохи-и-и-тее... – мягко уплыл в небытие...

* * *

Поздоровавшись и перекинувшись словами с тетушкой, Алекс повернулся к лавке, стоявшей у дальней стены, и поковылял к ней. Он все-таки был еще довольно слаб.

Интерьер первого этажа шале здесь заметно отличался от того, который он имел, так сказать, счастье лицезреть в свое первое посещение этого дома. В отличие от того раза, в настоящий момент практически весь первый этаж дома занимало одно помещение, являвшееся одновременно и гостиной, и кухней, и... чем-то вроде хобби-рума. Потому что в углах этого обширного помещения размещались пара ножных прялок и довольно массивная рама ручного ткацкого станка. Так что здесь и готовили, и ели, и занимались всякими другими делами – пряли, вязали, вырезали, а также принимали гостей и даже, как выяснилось, соборовали покойников. Причем ели здесь, как правило, всей семьей сразу. То есть отдельно никого не кормили. Не успел к завтраку или обеду – остаешься голодным. Но такого на памяти Алекса пока еще ни разу не случилось, потому что к столу выходили все... Даже детям могли сунуть чего-нибудь типа куска хлеба с солью, только если время до общей семейной трапезы слишком уж затягивалось. Например, если старший мужчина семьи, в роли которого здесь выступал племянник тетушки Марты и сын ее уже умершей сестры Эстер, куда-то уезжал и сильно задерживался. Потому что без него за стол просто не садились... ну если только он не уезжал на несколько дней. А в остальное время это правило соблюдалось строго. Несмотря на то что на самом деле племянник тетушки был тем еще подкаблучником и всем в доме заправляла именно тетушка.

– Может, помочь принести дрова? – предложил Алекс, устроившись на лавке и разглядев с этого места, что в очаг дровяной плиты уже сложена растопка. Дрова на следующую топку заносятся в дом заранее, чтобы успели высохнуть. Поленица-то еще полностью засыпана снегом. Так что, запалив печь, Марта посылала кого-нибудь из взрослых детей занести в дом новую порцию дров, после чего сноровисто обметала их от снега в стоящее рядом ведро, в котором была вода для, так сказать, «хозяйственных» нужд, а затем еще тщательно обтирала их тряпкой. И только после всех этих манипуляций дрова занимали свое место в специально выложенной нише в нижней части печи.

– Тебе пока рано выходить на холод. – Tante Марта улыбнулась, после чего подошла и положила ладонь ему на лоб. Так, как это делала мама в детстве. Алекс почувствовал, как у него повлажнели глаза. Неужели он ее больше никогда не увидит?..

После того падения у дверей очнулся он уже в кровати. Раздетый. А вернее, переодетый. Потому что вместо привычных трусов парень оказался одет в странные мягкие штаны и такую же рубаху. Одет! В кровати! Что это за одежда

и как называлась – он не знал. Хотя по поводу штанов в голове крутилось где-то слышанное слово «кальсоны»... В комнате было скорее не темно, а сумеречно из-за горевшей сбоку свечи, а рядом с кроватью, на стуле, обнаружилась та самая женщина, которая открыла ему двери. Она мирно дремала, откинувшись на спинку и слегка запрокинув голову, из-за чего слегка похрапывала. Алекс некоторое время молча косил глазами, осматривая помещение. Больше всего оно напоминало комнату *urgro?vater* Дитриха. Нет, внутренне убранство было другим, да и мебелью она тоже во многом отличалась. Но вот общие размеры, а также геометрия и расположение окон совпадали. Если это действительно она, то куда дели деда? И с какого черта за день кому-то приспичило поменять большинство обстановки? Причем вплоть до штор. Н-да, странности все накапливались и накапливались... Алекс повернул голову, и от этого подушка громко зашелестела сухим сеном. От этого дремавшая рядом с кроватью женщина мгновенно встрепенулась и хлопотливо наклонилась к нему.

– Как вы себя чувствуете?

– Х-х-хр-ыхху-ых... – просипел Алекс и запнулся. В горле как будто шар надули. Горячий. И шершавый. Вернее, даже не просто шершавый, а вообще с шипами, которые вонзились в стенки горла. Так что слова через глотку уже не протискивались. Только какие-то невнятные звуки.

– Молчите. Я вижу, вы совсем больны. С утра я пошлю за доктором. А пока вот глотните. Не волнуйтесь – это травяной настой. Меня научила делать его моя мать, и с того момента я давала его всем своим племянникам и племянницам. Особенной пользы он, конечно, не принесет, но горлу станет легче, – и она поднесла к его губам глиняную чашку с настоем, другой рукой аккуратно приподняв голову. Алекс сделал пару глотков и обессилено откинулся на подушку. Женщина поставила чашку на столик, стоявший у кровати, и, сложив руки на коленях, уставилась на него требовательным взглядом. В этот момент она очень напомнила Алексу маму Дитриха, хотя внешне они отличались довольно заметно. А вот на самого Дитриха она была чем-то неуловимо похожа.

– Я понимаю, что вы больны и обессилены, а также то, что не можете ответить, но мне необходимо задать вам один вопрос. Ответить на него можете жестом. – Она сделала короткую паузу, видимо, вопрос, который эта женщина собиралась задать, был для нее очень важен, а затем спросила: – Вы сын Карла?

Алекс замер. Сын Карла? Какого Карла? Парень недоуменно замер, а в следующее мгновение его пронзила догадка... А что, если того Карла на фотографии? Но он же умер больше ста лет назад. Или... Значит... Черт! Все эти несоответствия и странности, которые он заметил по пути... Похоже – да, это все объясняет. Да что там говорить – он уже по дороге понял, что и пропажа мотоцикла, и снег на дороге, и темнота в деревне вполне могут быть объяснены одним-единственным допущением. Фантастичным, да, но одним. То есть каждому по отдельности можно было бы, вероятно, найти и куда менее фантастические объяснения, но вот всем вместе... Понял, но тем не менее продолжал гнать от себя эту мысль. Потому что такого просто не может быть. Это ж не фильм и не фантастический роман. Это жизнь! А в жизни нет места фантастике... Да и не нужно это ему. У него и так все хорошо. Ну почти... А будет – полностью. Так что спаси его бог от подобного приключения! И вот, похоже, он в него все-таки вляпался... Алекс с еле слышным стоном прикрыл глаза. Ну за что ему это?!

– Я так и думала! – Голос женщины звучал удовлетворенно. Похоже, она приняла движение его век за знак согласия. – Рада видеть тебя в доме твоего деда, Alexander. Я Марта, твоя тетя...

Глава 4

– Все-таки уезжаешь?

Алекс пожал плечами и, улыбнувшись, обнял тетушку за плечи.

– Тетя Марта, мне здесь было очень хорошо, но ты же понимаешь, что мне надо как-то устраиваться на родине отца. А оставшись здесь, в деревне, я не смогу найти применение своим знаниям.

Фрау Марта вздохнула.

– Все понимаю, но все равно жаль тебя отпускать. Ты там не забывай старушку, приезжай навещать...

С «вживанием в новый мир», как это, вероятно, можно назвать, у Алекса все сложилось как нельзя лучше. Причем случилось сие практически без всякого его участия. И это было хорошо. Потому что, займись он этим лично, точно накосячил бы по полной. А так... В голове тетушки Марты удачно сложились ее любовь к «карапузу Карлу», которого она немало понянчила в детстве, поскольку была аж на тринадцать лет старше братика, отдаленное сходство между ним и Алексом, замеченное еще прадедом Дитриха в оставленном им времени, а также обнаружившиеся на парне джинсы «Levi's», на лейбле которых удалось разглядеть надпись «San Francisco». Ну и посеянное им где-то портмоне с документами вкупе с разбитым мобильником также внесло свою вескую лепту. Ну то есть наоборот, их полное отсутствие... Так что он был идентифицирован как «сын брата, уехавшего в Америку» еще до того, как пришел в сознание. После чего любые факты, противоречащие данному выводу, сразу же стали для тетушки неважными и незначительными, а вот те, которые в него укладывались, еще сильнее укрепляли тетушкину уверенность в его правильности. Например, доллары пресловутого «начального комплекта», завалившиеся в его внутреннем кармане, тетушка восприняла как важное подтверждение своей правоты, а вот всякая еврочелочка, найденная в кармане джинсов (налички он с собой почти не носил, да и та по большей части осталась в утерянном портмоне с документами), была принята ею за какие-то восточноевропейские деньги и на этом основании признана не заслуживающей внимания. Этих новых стран на руинах рухнувших всего несколько лет назад четырех великих империй образовалась целая туча. От Польши и Финляндии и до Чехословакии с Албанией. И теперь все они пыжились друг перед другом кто во что горазд, принимая всякие шумные воззвания, устанавливая и перекраивая границы и выпуская собственные деньги, большинство из которых обесценивалась в десятки, а то и сотни, и тысячи раз чуть ли не за первый же год обращения. И что теперь, все их помнить? Так что тетушка довольно быстро и практически без его помощи (поскольку Алекс из-за больного горла в тот момент и слова был не способен из себя выдавить) сложила в голове некую непротиворечивую картину, которую довела до окружающих. А поскольку ее авторитет в данном конкретном месте, как Алексу стало ясно чуть позже, был практически непререкаем, все остальные эту картину приняли. По привычке. Потому что последние идиоты, решавшиеся спорить с фрау Мартой, покинули этот дом еще года четыре назад...

Окончательно же сомнения на его счет (если они у нее, конечно, еще были) были развеяны после того, как тетушка принесла ему уже знакомую по предыдущему посещению этого дома фотографию и, указав на того самого пухлощекого карапуза, сообщила:

– Вот это твой отец.

Алекс, к тому моменту уже оклемавшийся настолько, что мог выдавить из себя несколько слов, скорчил подобающую моменту умильную рожу и, повинувшись внезапному желанию, ткнул пальцем в изображенное семейство и прохрипел:

– А это дядюшки Вильгельм, Йохан, тетушка Эльза, вы, тетушка Марта, дядя Гюнтер и тетя Эстер, так? Отец мне рассказывал про это фото.

– Ах, Алекс... – тетушка Марта прослезилась и притянула его голову к груди. – Если бы даже у меня и были бы хоть какие-то сомнения в твоём отношении, то сейчас от них точно бы ничего не осталось.

Выздоровливал он довольно быстро. Возможно, вследствие молодости и крепкого организма. А может, из-за того, что сочетание современной фармакологии с дедовскими приемами типа банок, горчичников и паровой ингаляции над вареной картошкой, которые прописал ему местный доктор, вызванный из Альтдорфа на следующий день после столь эпического появления «племянника из Америки» в доме своих предков, неожиданно оказалось суперэффективным. Так что уже через четыре дня горло прошло настолько, что он начал говорить. Сначала пару слов, затем пару предложений. Впрочем, пользовался Алекс этими возможностями не слишком часто. Потому что в его положении самым умным было молчать и слушать... А еще через три дня тетушка Марта наконец разрешила вставать с кровати и самостоятельно оправляться в ночной горшок. Ну не было здесь теплых туалетов, не было! А на улицу она ему выходить категорически не разрешила... И именно с этого момента у Алекса начались самые тяжелые проблемы. Потому что тетушку интересовало все – кто мама Алекса, где они жили, кем устроился в Америке «малыш Карл», есть ли у него еще дети, где Алекс учился и еще тысячи разных вопросов. А ответить на них, как вы понимаете, ему было совершенно нечего. Нет, кое-какую версию своей жизненной истории он, пока лежал с больным горлом, успел придумать, но, как выяснилось, придуманного оказалось совершенно недостаточно. Ну вот скажите на милость, как современному человеку предусмотреть вопрос: в какой храм они ходят по воскресеньям и как зовут пастора? Или сколько стоит мясо и зелень в ближайших лавках? И вообще, в каком районе Чикаго они живут? Алекс с трудом вспомнил, что вроде как почти в любом американском городе обязательно есть Даунтаун. Так и ответил. Но это же надо было сделать с налету! Слава богу, его регулярную заторможенность при неожиданных для него вопросах пока списывали на последствия болезни и то, что он – американец. То есть его родной язык – английский, а немецкий он после того, как выпорхнул, так сказать, из семьи, успел основательно

подзабыть. Вот и тормозит, переходя на немецкий... На это работало еще и то, что как произношение отдельных слов, так и сам словарный запас за те почти сто лет, разделявшие нынешнее время и год, из которого он сюда попал, заметно изменились. То есть, несмотря на то что парень последние несколько лет прожил в Австрии, здесь его немецкий воспринимался именно как речь иностранца... К счастью, после нескольких попыток он сумел-таки отыскать отличный способ на время отключать тетушкино любопытство. Как выяснилось, для этого достаточно было задать тетушке какой-нибудь вопрос о родственниках. Или о деревенской жизни. После чего сразу же начиналась многочасовая лекция о том, кто кому родня, кто на ком женился, кто куда переехал и кто чем теперь занимается. Со всеми многочисленными подробностями типа семейных скандалов, вмешательства родственников и всяких тяжких последствий типа синяков или даже разбитой посуды и сгоревшего овина. Да-да, в нынешнее время посуда и уж тем более овин в табели о рангах стояли куда выше не то что синяков, но даже и выбитых зубов, и сломанных рук и ног. На новое имущество ведь деньги тратить нужно будет, а синяки да зубы – люди вон без ноги или глаза живут, и ничего, не то чтобы и бедствуют... Парень диву давался от того, какой объем сведений об окружающих удавалось аккумулировать тетушке. Никакие КГБ или там гестапо и рядом не стояли. А уж взять ее личные навыки добывания информации... Имел он как-то «удовольствие» наблюдать, как тетушка буквально выпотрошила племянника, отъехавшего по делам на пару дней. Все выложил – от того, где и на что потратил деньги, причем с точностью до последнего сантима [20 - Швейцарская «копейка», в настоящее время часто именуется еще и «рапеном».], и до того, сколько раз поменял портянки. Ага-ага, и здесь, в Швейцарии, они сейчас тоже вполне были в ходу... Так что займись тетушка им вплотную – он бы и пары минут не продержался!

Но пока Алекса спасали две вещи – во-первых, то, что «американским родственником» его признала сама тетушка, то есть отказ от этой версии означал бы ее собственный прокол. А это было совершенно недопустимо! Ибо два главных закона той вселенной, в рамках которой существовали чада и домочадцы тетушки Марты, заключались в том, что а) существует только два мнения – ее и неправильное и б) тетушка никогда не ошибается... Ну и, во-вторых, он оказался очень благодарным слушателем. Во многом потому, что, кроме столь удачного для него переключения с опасных расспросов на рассказы, Алекс еще и извлекал для себя из этих рассказов массу попутной и очень полезной информации. Например, о наиболее уважаемых здесь профессиях (надо же было думать, чем зарабатывать), о том, как устроена местная логистика (первые десять километров пехом или на попутной телеге, а уж там

как повезет...), о ценах, доступных услугах и наиболее популярных товарах. Вот кто бы знал, что одним из наиболее популярных продуктов является скипидар (который здесь именовался terpentin), который здесь применяется во множестве, так сказать, отраслей жизни – от быта и строительства и до медицины? Ему им во время болезни пятки мазали. Как мама в детстве...

Вечный русский вопрос «Что делать?» возник перед ним сразу. И все то время, пока он валялся в постели, Алекс напряженно над ним размышлял. Потому что вопрос этот был очень непростым... И вот к каким выводам пришел.

Нет, насчет того, что, если у него появится шанс вернуться в будущее – им надо воспользоваться, у него никаких сомнений не было. Местного «комфорта» он хлебнул полной мерой. Жить в мире, где даже самым богатейшим нуворишам недоступны Интернет, мобильная связь, скоростной транспорт, хорошие дороги, развитое авиасообщение, где вусмерть привычное и доступное в будущем даже для укро- и польскоязычных немецких сантехников или там крановщиков и каменщиков путешествие на пляжи Турции и Египта требует организации целой экспедиции с вооруженной охраной, его как-то не грело. Так что он совершенно точно собирался добраться до развалин и все там тщательно изучить на предмет возвращения. Но вот возвращаться в ближайшее время Алекс пока не планировал. Почему? Да потому что этот неожиданный провал в прошлое предоставил ему уникальный шанс серьезно поправить свое финансовое положение. И здесь, в прошлом, и, дай бог, если он находится в одном и том же временном слое или одной и той же реальности, то и в будущем. Как насчет того, чтобы сегодня здесь положить на банковские счета тысячи, а оказавшись в будущем – получить миллионы? Или миллиарды. Сколько там за эти почти сто лет набегит процентов – надо было еще посчитать... Почти сто, потому что здесь и сейчас вокруг него был апрель тысяча девятьсот двадцать первого, а он попал сюда из марта две тысячи девятнадцатого... Почему провал случился не на сто, а вот на такое неровное число? Да кто его знает! И вообще – что такое ровное число? Десятичное исчисление возникло из-за того, что у людей десять пальцев. Удобно было. Но до того, как оно укоренилось повсеместно, люди считали как ни попадя. Например, дюжинами. А что – тоже удобно. На четырех совместно торчащих пальцах руки – указательном, безымянном, среднем и мизинце – как раз двенадцать фаланг. Так что подобное исчисление в современной жизни осталось, например, в привычном нам количестве часов – двенадцать/двадцать четыре, а также в количестве секунд в минуте и соответственно минут в часе. Пять раз по двенадцать. Так что для двенадцатеричной системы ровное число будет – сто сорок четыре. Двенадцать раз по двенадцать... А насчет того, откуда взять эти тысячи? Ха! Так ведь

патентное право уже давно создано. А у него в голове десятки технологий, которые в этом времени еще только предстоит открыть. Он же, чай, не гуманитарий какой-нибудь, а настоящий инженер-химик. Так что будут тысячи, будут – дай только срок. Надо только пересобрать нечто в его времени давно известное любому третьекурснику на текущей технологической базе. Но это при наличии приличной лаборатории дело нескольких недель. В крайнем случае – месяцев. А деньги на лабораторию у него есть. Две или три тысячи швейцарских франков. Точно пока Алекс сказать не мог, поскольку не знал курса долларов и фунтов по отношению к франку. По нынешним временам очень и очень солидная сумма.

Деньги он добыл из того самого дедовского тайника. Алекс залез туда почти сразу же, как более-менее начал ходить. Но до вчерашнего вечера деньги оттуда не доставал. Ну куда ему их девать было – в кальсоны совать?.. И, кстати, похоже, выяснилось, откуда там появились деньги. Дело в том, что Алекса положили в такую большую и удобную комнату потому, что она в данный момент пустовала из-за того, что пару месяцев назад в ней умер старший из его «дядьев» – Вильгельм. И пока никто другой ее не занял. Вообще-то дядюшка Вильгельм покинул отчий дом уже давно – лет сорок назад, и в конце концов обосновался в Люцерне, городе, расположенном на противоположном от них берегу Фирвальдштегского озера. Так что добираться до него из Унтершехена обычным порядком было два дня. Здесь. В будущем, скорее всего, не больше часа. Полста километров, ха! Так что в отчем доме он бывал по несколько раз в год. Ну нравились ему эти места. На ностальгию его пробивало... А около трех лет назад дядюшка Вильгельм внезапно заявил детям, что хочет умереть именно в отчем доме, после чего взял да и перебрался обратно в родовое шале на попечение сестры. При этом вполне себе оплачивая ей содержание. Ну не то чтобы так уж щедро, все-таки немецкая сущность никуда не делась, но деньги «на хозяйство» он ей выдавал регулярно... Ну да дядюшка Вильгельм считался среди всех родственников самым зажиточным. Не олигархом каким-нибудь, нет, но человеком с деньгами. После отъезда из родительского дома дядюшка занялся торговлей сыром и неплохо развернулся. Но именно неплохо, а не типа там широко. У его семьи даже загородного дома не было. Хотя квартира в Базеле, судя по рассказам тетушки, была довольно просторная. И в остальном семья не бедствовала. Например, на автомобиль его сыну, который в настоящий момент унаследовал отцовский бизнес, денег вполне хватило. Вон он сейчас как раз и стоял у своего авто, вызванный тетушкой в родовое гнездо, дабы помочь вновь обретенному родственнику добраться до очагов цивилизации. Вследствие чего дорога до Люцерна для Алекса должна была сократиться до нескольких часов. Вряд ли эта «мотоколяска» могла развивать по местным дорогам более

двадцати километров в час, скорее куда менее, но на фоне крестьянских телег или наемных пролеток это были космические скорости... Однако после переезда «под крылышко» сестры дядюшка Вильгельм никуда более из родового шале не выезжал. А деньги сестре при этом, как это уже упоминалось, подкидывал регулярно. И откуда, позвольте спросить, он их брал? Во-от... Так что Алекс, не особенно заморачиваясь, решил считать себя наследником почившего «родственничка». Тем более что это решение никого вроде как не ущемляло. Все равно эти деньги в иной ситуации должны были пролежать в тайнике где-то более девяноста лет и объявиться на свет божий только тогда, когда никому от них никакого особенного толку уже не было.

– Ну, все, иди. – Тетушка Марта слегка подтолкнула его в сторону машины. – Манфред довезет тебя до Люцерна. Там у него переночуешь, а утром он посадит тебя на поезд до Берна... И напиши, как обустроишься.

– Непременно, – улыбнулся Алекс. – И даже приеду.

– Все вы так говорите, – несколько ворчливо отозвалась старушка. – А потом вас не дожدهшься...

Сначала решение Алекса «поддержать» версию фрау Марты о том, что он ее американский племянник, было вызвано чисто меркантильными соображениями. Потому что решить самые насущные текущие вопросы, которые непременно возникнут перед ним, едва только он встанет с кровати, в одиночку было бы куда сложнее, чем будучи признанным членом довольно многочисленного и весьма расползшегося не только по Швейцарии, но и уже по соседним Германии, Австрии и Италии клана родственников. Поэтому парень, несмотря на некоторое внутреннее смущение, которое возникает у любого считающего себя порядочным человека при осознании того, что он откровенно врет, старательно укреплял тетушкину уверенность в том, что он сын «карапуза Карла», приехавший из Америки, который неудачно упал с какого-то горного склона, лишившись вследствие этого большинства пожитков. Впрочем, поначалу тетушка больше склонялась к версии нападения бандитов, в пользу которой свидетельствовала и солидная гематома на затылке, но Алекс твердо заявил, что никакого нападения не было и что он сам виноват во всем. Вот только разборок с полицией ему не хватало... Впрочем, совсем без полиции не обошлось. Документов-то у него не было. Но после твердого заявления Алекса, что он приехал навсегда и совершенно не собирается возвращаться в «свою Америку», тетушка взяла это дело в свои крепкие ручки. Так что самый сложный

вопрос разрешился довольно быстро. Когда Алекс более-менее окреп, они втроем с тетусшкой и все тем же тетусшкиным племянником, то бишь двоюродным братом «американца Алекса» Клаусом-Михаэлем, юридически считающимся владельцем усадьбы, поехали в столицу кантона Ури – Альтдорф, где с помощью некоего официального лица, оказавшегося, как это было обычным для тетусшки, их каким-то дальним родственником, типа шурина жены брата деверя сестры двоюродной тети по матери (к каковому родству, впрочем, все присутствующие относились весьма серьезно), оформили ему швейцарский паспорт. Причем вполне официально. С торжественным свидетельствованием родственниками степени и достоверности его родства, а также присягой как кантону, так и Швейцарской конфедерации в целом и всеми положенными записями в книгах. Ну до Альтдорфа тут было всего дюжина километров, вследствие чего обернуться удалось за день... Так что его меркантильные расчеты пока срабатывали в точности как ему и требовалось. Однако через некоторое время он понял, что потихоньку начал действительно привязываться к этой женщине.

Тетусшка Марта была одинокой старой девой, всю жизнь положившей на заботу о близких. Сначала она самоотверженно заботилась о младших братьях и сестре, потом о престарелых родителях, а в последнее время пришла очередь и старших братьев. Вильгельм не зря вернулся в отчий дом под крылышко сестры. Алекс был совершенно уверен, что здесь уход за ним точно оказался куда лучше, чем даже во вроде как куда более цивилизованном Люцерне. Что же касается ее стремления всем командовать и все контролировать... ха! Да Алекс вырос в подобной атмосфере! И не избавился от нее окончательно, даже когда переехал в другую страну... Зато с какой самоотверженностью тетусшка за ним ухаживала. Как решительно занялась решением его проблем... Так что тетусшка Марта как-то незаметно, но реально стала для него действительно близким человеком.

– Ладно, езжай уже, малыш, – Манфред вон весь извелся. – Тетусшка шутливо толкнула его от себя. Алекс улыбнулся, обнял старушку и поцеловал ее в лоб, после чего, резко развернувшись, двинулся в сторону ожидающей его машины.

Усевшись в антикварное (для него) авто, Алекс с интересом огляделся.

– Что, нравится? – несколько покровительственно спросил сидевший на водительском месте «брат», который, однако, вполне годился ему по возрасту в отцы. Ну да покойный Вильгельм являлся старшим из «дядюшек», так что это было вполне объяснимо.

– Это немецкая модель – Mercedes Simplex. Я купил его еще до войны. Старенький, конечно, но еще вполне крепкий, – небрежно бросил Манфред. – Но это так – разъездная. Дома у меня в гараже Lancia стоит! – и он горделиво воздел палец.

Алекс чуть не поперхнулся. Поставить «Мерседес» выше «перетянутого «Фиата»... но затем он (очередной раз) осознал, что тащить в прошлое стереотипы из будущего – глупо. Ну что он знает о современных автомобилях?

– А у тебя там, в Америке, был автомобиль? – поинтересовался Манфред, спустя некоторое время, когда они уже проехали Шпиринген.

– Нет, – мотнул головой Алекс. Ну его на фиг, а то еще предложит порулить. А после того как он имел счастье наблюдать, какие па-де-де выписывал сидевший слева гордый владелец «Мерседеса» вокруг своего автомобиля, прежде чем это престижное транспортное средство тронулось с места, Алекс понял, что повторить это все с налету он точно будет не в состоянии. Да и в движении работа «современного» водителя чем-то напоминала ему занятия в тренажерном зале. Тому постоянно приходилось что-то тянуть, нажимать, крутить и толкать, так что, на взгляд парня, этот процесс больше напоминал работу на тренажерах, нежели привычное вождение автомобиля.

– Только мотоцикл...

«Брат» бросил на него уже куда более благосклонный, но несколько покровительственный взгляд. Мол, свой брат, механик-шофер, но в песочнице ковыряется...

– А из-за чего ты уехал из САСШ? – снова поинтересовался он чуть погодя. Когда они проехали Альтдорф. Ну да, управление этим «пепелцем» внутри населенных пунктов требовало от водителя куда большей немалой сноровки, чем движение по загородной... хм... да уж... назвать это трассой язык как-то не поворачивался... а также еще и энергичной работы пневматическим клаксоном. Потому что самый модный и свежий европейский тренд покинутого Алексом будущего – «города для пешеходов» – в окружающем его настоящем цвел (и пах) буйным цветом. Народ пер по улицам, как и куда хотел – вдоль, наискосок, наперерез и по разным криволинейным траекториям. Причем подобным страдали не только пешеходы, но и гужевые повозки. А как вам просто встать

толпой на том месте, на котором, по уму, должна проходить двойная сплошная, и что-то степенно обсуждать? Легко!

- Были причины, - сухо отозвался Алекс. Нет, после пары недель въедливых тетушкиных выпрашиваний у него уже сформировались вроде как вполне непротиворечивые и достаточно подробные версии как побудительных мотивов, заставивших его покинуть «родные пенаты», так и истории его жизни в САСШ в целом. Но вот насколько они действительно являются непротиворечивыми в глазах не только непоколебимо поверившей в него тетушки, а кого-то, кто будет настроен куда более скептически, он не знал. Поэтому в разговорах с «близкими» родственниками пока предпочитал придерживаться варианта поведения, озвученного тетушкой Мартой: «Мальчик много пережил, так что не стоит делать ему больно глупыми расспросами».

- Ну не хочешь рассказывать - так и не надо, - пожал плечами «братец». После чего до самого Люцерна они ехали молча...

В Базель, где Алекс решил обосноваться после долгого обдумывания плана обустройства в этом времени, он добрался только на третий день. Потому что, кроме Люцерна, пришлось заночевать еще и в Берне, потратив на отель аж одиннадцать франков. Ну, вот такое здесь было время. С одной стороны, вроде как стремительное, особенно по сравнению с предыдущими десятилетиями, а с другой - все еще очень неторопливое... Впрочем, этот лишний день парень провел вполне с пользой, во-первых, обменяв как найденные в тайнике, так и бывшие при нем в момент попадания доллары и фунты стерлингов на швейцарские франки в ближайшем к отелю банке, а во-вторых, обновив гардероб. Уж больно его джинсы и косуха привлекали внимание окружающих...

Путешествие ему в принципе понравилось. Единственными факторами, которые слегка напрягли, было то, что в вагонах изрядно сквозило, а лавки во втором классе мало того что были довольно неудобны, да еще и очень напоминали такие же в раздолбанных саратовских электричках, на которых он успел немало поездить в «школьные» времена, поскольку были сбиты из узких деревянных реек. Но в общем и целом все эти паровозы, вагоны с блестящей бронзовой или латунной арматурой, фигурными ручками, ажурный литой чугун колонн вокзальных дебаркадеров, дюжие носильщики с бляхами на груди создавали впечатление того, что он попал в некую компьютерную игрушку с полным погружением, нарисованную в эстетике стимпанка. Причем не какого-то там кавайного, а этакого реалистично-сурового. Притом что выехал-то он вообще из

средневековья. Ну почти... Все-таки керосиновые лампы в доме у тетушки Марты имелись. Хотя зажигались они очень редко. А весь остальной быт – ну типичное средневековье. Отопление дровами, кальсоны, тулупы, портянки, вода из колодца, свечи, ручные прялки, телеги с лошадьми... и это, блин, в конце первой четверти двадцатого века в одной из самых богатых стран Европы! Чего тогда требовать от отсталой России?

И, кстати, именно во время этой поездки у него напрочь исчезли все иллюзии относительно того, что наши предки, мол, жили в куда более чистом и экологичном мире. Не было такого! Ах, в городах выхлопы автотранспорта... а как вам такой же город, но провонявший лошадиной мочой и лошадиным же дерьмом, в которое еще и очень запросто вляпаться, просто переходя улицу? Нет, в крупных городах центральные улицы еще кое-как убирались, но только и именно центральные. Две-три, редко больше. А остальные? Да и уборка заключалась всего лишь в том, что лошадиное дерьмо просто сгребалось в стоящие у стен домов ящики, вывозившиеся в лучшем случае раз в сутки. То есть на улице не валялось, но запах-то никуда не девался... Машины, правда, уже тоже вполне встречались, но даже в том же Люцерне соотношение гужевых повозок и автомобилей было в лучшем случае десять к одному. При этом вони от них было едва ли не больше, чем от лошадей... Или висящий в воздухе смог от тысяч топящихся печей и каминов? Причем такой, от которого на зубах скрипит зола, а на губах и одежде оседает тонкая корка сажи. Вы думаете, все эти вуали у женщин из-за скромности? Три раза ха! Да чтобы рожу поменьше мыть!.. Даже в Берне, в столице, на водяное отопление была переведена только малая часть домов. Например, в том отеле, в котором он заночевал в Берне, отопление было все тем же печным... Да и водяные котельные, кстати, работали на все том же угле или вообще дровах, которые доставлялись в город в основном все на тех же гужевых повозках. Как и большая часть всех остальных грузов: от стройматериалов до продуктов питания и от тканей до мебели. А однажды парень имел честь лично наблюдать гужевую повозку, запряженную парой здоровенных битюгов, нагруженную огромным трехстворчатым шкафом-буфетом, массивным столом и дюжиной «гнутых» венских стульев.

Базель как место своего будущего базирования Алекс выбрал не наобум. Выезжать за пределы Швейцарии он пока не хотел. После мировой войны в Европе было еще очень бедно и уныло, так что Швейцария, сумевшая избежать прямого и непосредственного участия в этой бойне, на фоне других стран выглядела достаточно живенько. А среди швейцарских городов Базель, по его прикидкам, для осуществления всего задуманного должен был в качестве площадки подойти наилучшим образом.

Нет, точно ему пока ничего было неизвестно, но OMV, на нефтекомплексе которого, расположенном в венском районе Швехат, парень и работал в покинутом им будущем, имела обширные связи со швейцарскими компаниями Novartis, Hoffmann-LaRoche и Clariant, чьи штаб-квартиры как раз и располагались в Базеле. Да что там говорить, если даже их лаборатория пользовалась производимыми этими компаниями расходниками... Вследствие чего Алекс счел вполне разумным предположение, что, даже если этих компаний пока еще не существует, в Базеле все равно уже должно иметься какое-нибудь достаточно развитое химическое производство. Ведь почему-то штаб-квартиры этих компаний оказались именно в этом городе? Скорее всего, они просто выросли из каких-то имеющихся там ранее предприятий... А из этого вытекало, что в Базеле ожидается куда меньше проблем как с заказом и поставкой необходимого химического оборудования, так и с регулярными закупками требуемых расходников. Раз есть большой рынок для подобных товаров и услуг, значит, имеется и их предложение. А это было очень важным моментом в его планах. Потому что до появления AliExpress оставалось еще почти столетие, так что пока ничего заказать по Интернету точно не получится. И если на полках ближайших магазинов и лавок в настоящий момент не имеется чего-то нужного (а с лабораторным оборудованием, специальной посудой и химическими реагентами в большинстве городов, не имеющих, так сказать, под боком крупных химических производств, скорее всего, так оно и есть – уж больно товар специфический), то все придется заказывать и потом долго ждать поставок. А если магазин еще и не профильный, что опять же в случае отсутствия поблизости крупных потребителей столь нетривиальной продукции скорее правило, чем исключение, то ждать придется еще дольше. Потому что в этом случае магазин сначала выпишет каталог, получит его и, лишь узнав из каталога цену и прикинув свой интерес, согласится сделать заказ. Возможно. Если магазин вообще согласится этим заморачиваться...

Обустроиться в Базеле оказалось куда легче, чем он опасался. Уже через три дня после прибытия Алекс снял комнату в небольшом домике на окраине города, в котором уже имелась большая и неплохо оборудованная лаборатория. Сия лаборатория действительно была отлично (ну по местным меркам) оборудована, и единственное, что в ней требовалось сделать, – это провести модернизацию вытяжки. Поскольку эту лабораторию ему сдала вдова ее прежнего владельца, безвременно покинувшего этот бренный мир именно вследствие того, что он траванулся какой-то химией. О чем безутешная вдова и не преминула Алексу сообщить, окинув при этом молодого человека весьма... м-м-м... многообещающим взглядом.

Получаться что-то начало только через четыре месяца. Ибо пришлось заказывать кучу специфических реактивов. А кое-что и вовсе изготавливать самому. Более-менее же приличных результатов он достиг только к концу лета. После чего... нет, не начал загребать деньги лопатой, а наоборот, уперся в глухую стену. Иначе эту ситуацию назвать было нельзя...

Нет, большую часть того, что он планировал патентовать, повторить на местной базе Алексу в конце концов удалось, но-о-о... практического толку из этого не было никакого. Потому девяносто процентов того, что он тут смог сделать, в ближайшее время просто не имело никаких бизнес-перспектив. Почему? Да потому что, как это говорится – каждому овощу свой срок. Вот и все те продукты и реакции, которые он мог бы запатентовать, в настоящее время либо были никому не нужны, либо оказывались напрочь неконкурентоспособны – вследствие того, что в настоящем либо пока не существовало промышленного производства необходимых компонентов, используемых в процессе получения, либо они были, но стоили еще очень дорого. Например, возьмем тот же перехлорированный поливинил. Тот самый «винил», из которого всюду клепали грампластины [21 - До середины двадцатого века пластинки изготавливались из хрупкого и горючего шеллака.]. Да, запатентовать наиболее распространенный в будущем и соответственно наиболее эффективный способ его производства достаточно легко. Но дальше-то что? Принципиально есть два способа синтеза винилхлорида – пиролизом дихлорэтана (получается хлорированием этилена) и присоединением хлороводорода к ацетилену. Вроде как все отлично. Более того, при первом способе выделяется хлороводород, так что «отход» от первого процесса можно применить во втором синтезе. То есть комбинация двух способов работает лучше всего. Ага, в лабораторных условиях. А в промышленных – хрен! Потому что тут подводных камней – до фига и больше. Например, где брать этилен? В покинутом им будущем это отход от пиролиза нефти и крекинга. Но в настоящее время этот процесс более-менее освоен только в Штатах. Да и там на троечку. Потому что для его развития на пятерочку требуется спрос на высококачественный, высокооктановый бензин. То есть развитие авиации и легкового автомобильного парка. А с этим тоже была полная фигня. Даже самолеты тут, как выяснилось, еще летали на банальном газолине, а уж на чем ездили автомобили... Или где брать ацетилен? Тут вообще засада. Карбидный способ, которым его получают здесь и сейчас, очень дорог и жрет много электричества, которого здесь пока с гулькин нос. Есть куда более дешевая альтернатива – пиролиз метана «с закалкой». Но метан – это природный газ. А промышленной добычи природного газа в мире пока не существует в принципе. Ибо газ – это отход! Единственный газ, который добывается в более-менее значимых объемах, – это попутный газ, добываемый

вместе с нефтью. И из него путем не слишком сложных и дорогих реакций можно было бы получить необходимое сырье. Но, блин, здесь его предпочитают тупо сжигать в факелах прямо на месторождениях.

Очень перспективным выглядел каталитический крекинг. Но для него, зар-раза, требовались платиновые катализаторы, денег на которые не было от слова совсем. Нет, можно было поиграть и с алюмосиликатами, но реакции на подобных катализаторах Алекс знал куда хуже, чем на платиновых. То есть если двинуться в данном направлении, то потребовалось бы на порядки больше исследовательской работы. Что на круг должно было выйти даже дороже, чем с платиной... Ведь аренда лаборатории обходилась ему в девяносто пять франков в месяц. Несмотря на то что вдовушка, у которой он ее арендовал, регулярно ночами навещала молодого одинокого холостяка (она оказалась очень горячей штучкой), сбавлять цену на аренду ей и в голову не пришло. Впрочем, это был вполне себе прагматичный немецкий подход. Удовольствия удовольствиями, а деньги деньгами... К тому же такой крекинг становится жизненно необходим опять же лишь в случае резкого повышения спроса на высокооктановый бензин, а таковой начнется только со второй половины двадцатых и опять же в США. Пока же там вполне обходились термическим... И так было практически со всем. Либо нет дешевых исходников, позволяющих развернуть промышленное производство, либо беда со спросом. Либо и то и другое вместе взятое. Так что самым вероятным кандидатом на планируемый в ближайшем будущем заработок у него в конце концов остался только процесс Фишера - Тропша, который, кстати, оба этих немца должны были открыть где-то вот-вот. А может, уже и открыли. Ну не помнил он, когда это точно произошло! Вроде где-то в двадцатых... Но поскольку эти самые двадцатые только-только начались, Алекс все-таки решил рискнуть. Тем более что востребованным этот процесс окажется опять же, скорее всего, именно в Германии. Ну и, может быть, Польше. В Англии тоже есть достаточно крупные залежи угля, но им, в отличие от полунищей сейчас Германии, извращаться с процессом производства жидкого топлива из угля особого смысла не было. Сколько надо - столько нефти танкерами и привезут. Наверное... А вот немцам топливо нужно. Особенно если пересобирать процесс таким образом, чтобы на выходе получался заменитель не бензина, а дизельного топлива. Впрочем, здесь дизеля пока что работали в основном на керосине...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кабак, пивная (нем.).

2

«Дерьмо», привычное немецкое ругательство (нем.).

3

Начальник лаборатории (нем.).

4

Дуэнья, компаньонка, т. е. мадам, следящая за нравственностью и приличным поведением подопечных (нем.).

5

Истинный немец (нем. жарг.).

6

Доброе утро (нем.).

7

Легендарный международный мотоклуб «Ангелы ада». Имеет филиалы (чепты) в почти сорока странах мира.

8

Кафетерий (нем.).

9

Мама (нем.).

10

Крупнейший европейский гейпарад. Проводится ежегодно в разных странах и городах.

11

Добрый день (нем.).

12

Прадедушка (нем.).

13

Крепкий напиток из черешни, традиционный для Швейцарии, Германии и Франции.

14

Правнук (нем.).

15

Дедушка (нем.).

16

Маленький бизнес (нем.).

17

Унтерофицер (нем.).

18

Искусственный спутник (нем.).

19

Тетя (нем.).

20

Швейцарская «копейка», в настоящее время часто именуется еще и «рапеном».

21

До середины двадцатого века пластинки изготавливались из хрупкого и горючего шеллака.

Купити: <https://telnovel.com/roman-zlotnikov/shveycares>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)